

ДАРЬЯ БЕЛОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МОЛОДЁЖНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

18+

МОНСТР МОЕГО СЕРДЦА

Дарья Белова

Монстр моего сердца

<https://litres.ru/74315839>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Ты выходишь замуж, Марго». С этой фразы началось мое утро.

— И не подумаю! — вскакиваю с кровати и ловлю на себе предупреждающий взгляд отца.

Он рассказывает по моей комнате, пока я в своем воображении рисую навязанного мне мужа.

— Это сын Борзова. Рафаэль. Мы с его отцом вместе служили. И нам, можно сказать, оказывают честь! Поэтому води себя достойно. Только они смогут защитить тебя от того, что ты натворила.

Раф Борзов.

Это хитрый, опасный, безжалостный Монстр!

— Нет! Я лучше приму любое другое наказание, папа. Прошу!

— Умоляюще смотрю на отца.

— Собирайся давай. Свадьба будет грандиозной, шумной. Все должны знать: теперь ты — Маргарита Борзова.

* * *

Я совершила необдуманный поступок — и теперь мафия города, где живет моя семья, объявила охоту. Получается, спасти

меня может только другая мафия. Но для этого придется выйти замуж за сына их главаря. Я ни разу его не видела, но слухов достаточно, чтобы с уверенностью заявить: Раф Борзов — бесчеловечный монстр!

Содержание

Аннотация	6
Глава 1. Марго	8
Глава 2. Марго	11
Глава 3. Марго	15
Глава 4. Марго	21
Глава 5. Марго	26
Глава 6. Марго	32
Глава 7. Марго	39
Глава 8. Раф	46
Глава 9. Марго	53
Глава 10. Марго	61
Глава 11. Марго	70
Глава 12. Марго	78
Глава 13. Марго	85
Глава 14. Марго	93
Глава 15. Марго	100
Глава 16. Марго	108
Глава 17. Марго	117
Глава 18. Раф	125
Глава 19. Марго	132
Глава 20. Марго	139
Глава 21. Марго	147
Глава 22. Раф	155

Глава 23. Марго	162
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Дарья Белова

Монстр моего сердца

Аннотация

«Ты выходишь замуж, Марго». С этой фразы началось мое утро.

— И не подумаю! — вскакиваю с кровати и ловлю на себе предупреждающий взгляд отца.

Он расхаживает по моей комнате, пока я в своем воображении рисую навязанного мне мужа. Дыхание перехватывает от каждой картинки.

— Это сын Борзова. Рафаэль. Мы с его отцом вместе служили. И нам, можно сказать, оказывают честь! Поэтому води себя достойно. Только они смогут защитить тебя от того, что ты натворила.

Раф Борзов. Все внутри замирает.

Это хитрый, опасный, безжалостный... Монстр!

— Нет! Я лучше приму любое другое наказание, папа. Прошу! — Умоляюще смотрю на отца.

Боюсь! Впервые в жизни я боюсь!

— Собирайся давай. Свадьба будет грандиозной, шумной. Все должны знать: теперь ты — Маргарита Борзова.

* * *

Я совершила необдуманный поступок — и теперь мафия города, где живет моя семья, объявила охоту. Получается, спасти меня может только... другая мафия. Но для этого придется выйти замуж за сына их главаря. Я ни разу его не видела, но слухов достаточно, чтобы с уверенностью заявить: Раф Борзов — бесчеловечный монстр!

Глава 1. Марго

Молниеносно забегаю к себе в комнату и тут же закрываюсь в ванной на щеколду. Дрожь в конечностях усиливается. Включаю горячую воду, чтобы согреться и смыть кровь с рук.

Могильный холод пробирает до костей. Трясет. Зуб на зуб не попадает. Бешеный ритм сердца не дает сделать вдох.

Прошедший вечер встает перед глазами, складываясь в ужасающий душу пазл.

В зеркале на меня смотрит испуганная девчонка с растрепанными волосами, следами потекшей туши и размазанной на губах помадой. Щеки горят от гнева. Подбородок трясется от сдерживаемых слез — плакать нельзя.

Марго Рерих не плачет! Слезы — признак слабости, а я сильная!

Я! Ничего! Не боюсь!

И я все сделала правильно... *Он* это заслужил!

Засыпаю не сразу. Долго мучаюсь и кручусь с боку на бок, сминая под собой шелковую простынь. Сон тревожный.

А утром моя жизнь меняется на сто восемьдесят градусов, и это следовало ожидать. Я совершила необдуманый и непростительный поступок, но вины своей не чувствую и сделала бы это снова.

— Ты выходишь замуж, Марго, — папа врывается в мою

комнату и громогласно заявляет.

Наблюдаю за каждым его размеренным и очень громким шагом и вскакиваю с кровати, как громом пораженная.

— И не подумаю!

Ловлю на себе предупреждающий взгляд.

Отец расхаживает по моей комнате, пока я в своем воображении рисую навязанного мне мужа. Дыхание перехватывает от каждой картинки.

— И кто он?

— Это сын Борзова. Рафаэль. Мы с его отцом вместе служили. И нам, можно сказать, оказывают честь! Поэтому ведите себя достойно. Только они смогут защитить тебя и нас от того, что ты натворила.

Раф Борзов. Все внутри меня замирает.

Я кое-что о нем слышала. Это хитрый, опасный, безжалостный... Монстр! Хуже него нет никого. Разве только мой отец, который ради моего спасения готов выдать меня за Борзова.

И я? С ним? В качестве его жены? Очередной подстилки без имени и чести?!

— Нет! Я лучше приму любое другое наказание, папа. Прошу! — Умоляюще смотрю на отца.

Боюсь! Впервые в жизни я боюсь!

Можно же собрать свои вещи и уехать из города навсегда. Скрыться, залечь на дно до конца жизни. Миллион вариантов. Денег хватит еще на пару поколений, с голоду точно не

помрем.

— Собирайся давай. Леонид Борзов назначил время встречи.

Смотрю на удаляющуюся спину отца.

— И для твоего понимания: свадьба будет грандиозной, шумной. Все должны знать: теперь ты — *Маргарита Борзова*. Так мы избежим войны. Решетняк не пойдет против Борзова.

Марго Рерих через неделю станет Маргаритой Борзовой. И я уже ненавижу эту фамилию, своего будущего мужа и свою жизнь.

Глава 2. Марго

Первая встреча с Борзовыми проходит на их территории в ресторане на окраине города.

Съезжаются десятки черных бронированных тачек, перемишывая колесами снег с грязью. Выходит охрана и становится у входа в ресторан и у дверей машин.

Меня тошнит.

Стискиваю зубы, пока рассматриваю через окно процессию, возглавляемую пожилым мужчиной. Будто похороны... Похороны Марго Рерих.

— Постарайся не показывать свой характер в первые минуты знакомства, Марго, — почти беззвучно просит отец, монотонно и противно помешивая сахар в кофе.

Воцаряется пауза, когда к нашему столу подходит Леонид Борзов и, коротко мне кивнув, крепко пожимает руку моему отцу.

— Абрам! Сколько лет, сколько зим. Ты такой же, как я тебя помню!

Мужчины улыбаются.

— Да ну прям. Все мы немного... изменились.

Выглядит так, что оба рады видеть друг друга. За исключением того, что у моего отца за поясницей пистолет и его любимый японский нож, а Борзов приехал с вооруженной охраной.

Доверием и не пахнет.

— Марго, моя дочь, — представляет папа.

Леонид ведет по мне пустым взглядом сверху вниз. Без намеков, но оценивающе. Чувствую себя товаром на рынке. А для родного сына он должен быть качественным, первого сорта. По тем же слухам Леонид Борзов любит своих сыновей.

Спорить бесполезно. Приказ есть приказ. Я покорно опускаю глаза, принимая свою участь.

— Рад встрече, — протягивает мне ладонь, которую вынуждена пожать. — Раф присоединится через несколько минут.

Хочется повести себя как капризный ребенок и, фыркнув, убежать, но в окружении бандитов и десятка оружия, это, как минимум, опасно.

Сердце разгоняется, когда в зал ресторана ровной, уверенной походкой входит *он*.

Монстр.

На нем свободные светло-синие джинсы, белая рубашка и пиджак. Из-под отглаженного ворота виднеются татуировки, заполняющие всю его шею, и опускаются ниже за ткань.

Уверена, они покрывают все его тело.

Ему лет двадцать пять, не больше. Взгляд прямой. Как прицелы, бьющие на поражение сверхточными пулями.

Раф Борзов собственной персоной. Я успела за часы, проведенные в дороге, поискать о нем больше информации в се-

ти.

— Прошу прощения за опоздание. Решал *личные* дела.

И мажет по мне прожигающим взглядом, задерживаясь на невесомую секунду. Все внутренности переворачиваются от страха и ощущения неминуемой гибели.

Любви в этом вынужденном браке не будет точно.

— Ты, я полагаю, Маргарита Рерих? — его голос тверд. И это не вопрос вовсе.

Раф опускается на стул и одним жестом просит официанта принести ему что-то. Уверена, тот знает вкусы Борзова. Он вообще ведет себя расслабленно, чуть нагло.

— Свадьбу предлагаю проводить в столице, — доносится до меня голос отца.

— Да, — слышу быстрый ответ Борзова.

— У моего приятеля большой ресторан. Уверен, что смогу договориться.

— Медовый месяц, — посмеиваются, — молодые проведут...

Все время, что длится этот странный диалог, Раф не отводит от меня глаз. Я вижу любопытных чертёй во взгляде Монстра. Они обглаживают меня как диковинку и оставляют странные ощущения под кожей.

Очень странные, непонятные, чуждые.

В груди из-за этого покалывает.

— Прошу меня извинить, — бросаю салфетку на стол и выбегаю из зала в сторону туалетов.

Прыскаю в лицо холодной водой, чтобы хоть как-то освежиться.

А когда в отражении вижу *его*, мир переворачивается перед глазами. Я слышу в ушах собственный пульс. Очертания туалетной комнаты расплываются.

— Познакомимся еще раз? — надвигается неотвратимой волной. — Я тот, кто спасает твою жалкую шкуру от того, чтобы ее не сняли живьем. Поэтому ты будешь вести себя тихо и послушно. Не высовываться и не мешать. Не создавать еще бóльших проблем. Мне, в первую очередь.

Слезы скапливаются в уголках глаз. Моргну — и они скатятся позорными линиями.

В его словах почти не было грубости, я даже, поборов в себе гордость, смогу понять Борзовых, но тон... Взгляд... Как на товар с особенностями. С браком.

Меня точно ударили по щекам несколько раз. Они горят.
— А если я не послушаюсь?

Раф уже успел развернуться и почти покинуть туалет.

— Я лично сдеру с тебя шкуру, Марго, — бросает, не глядя.

Глава 3. Марго

— И ты правда смиренно согласилась на этот дурацкий брак? — тихо шепчет сестра, наклонившись ко мне через кресло авиасалона бизнес-класса. — Он же... Он разорвет тебя на части. Ну, понимаешь, о чем я, да? Боже мой, я видела фотографии этого Рафаэля после боя...

Мари младше меня, ей всего семнадцать. И вдруг осознаю, какая угроза нависает над ней из-за моего поступка. Затапливает стыдом, и я не знаю, как с ним бороться.

Ох, нельзя сказать, что я сожалею о совершенном действии, но и о последствиях нужно было думать тщательнее.

Теперь мы в ловушке, и вот я слышу металлический звук закрывающегося наглухо замка.

— Сомневаюсь, что я интересую его для того, о чем ты подумала. — Мое лицо остается невозмутимым.

Никто не должен догадываться, что творится в душе и какие страхи бушуют. Так говорит мне отец. Покажешь — и вот брешь, через которую проберутся к тебе твои враги и уничтожат, пользуясь случайно показанной слабостью.

А меня правда бросает в неконтролируемую дрожь, когда начинаю думать о первой брачной ночи. Монстр из тех «людей», кто просто берет свое. Через несколько часов, став Борзовой, я буду его собственностью...

— Но ты же будешь защищаться, если он решит... Поня-

ла, в общем.

— И наживать еще одного врага? Дура ты, Мари, — грубо затыкаю сестру и закатываю глаза. — Да и не придет ко мне Борзов, спорю на свой любимый «Кольт».

Бросаю взгляд на папу, сидящего неподалеку от нас.

Отец читает прессу. На нем деловой костюм и дорогие ботинки из крокодиловой кожи. Он выглядит бизнесменом из списка «Форбс», а если умело капнуть чуть глубже, то можно увидеть настоящего Абрама Рериха: профессионального наемника, что учит и содержит таких, как он. Опасный, четкий, непобедимый, но с одной единственной слабостью — его семья. Поэтому Абрам Рерих использует все способы, чтобы защитить наши жизни.

Вынужденный брак — один из них. Лучше закованная в семейные узы дочь, чем мертвая...

Через два часа мы садимся в частном аэродроме столицы. Нас встречают заказанные бронированные машины, куда молча усаживаемся и доезжаем до отеля в центре. Через день здесь состоится моя свадьба.

Платье было заказано без моего участия. Как и букет невесты, и дорогие украшения. Я даже не знаю, какой будет торт. К списку гостей я тоже не прикладывала руки, но мне известно, что ожидается около трехсот человек. Мама растрепала. По секрету.

Папа обещал грандиозную свадьбу? Получите, распишитесь.

Пресса, журналисты, какие-то там блогеры, которых я и в глаза не видела... Шумиха вокруг свадьбы Марго Рерих и Рафа Борзова просто оглушает своим масштабом. Точно весь мир должен быть в курсе! И пингвины в Антарктиде тоже.

Всю ночь я плохо сплю. Мне снится, как ко мне приходит Монстр и берет, берет, пока я не молю о пощаде. Грубо, жестко, беспощадно и бесчеловечно. И... смеется, запрокинув голову.

Его татуировки, как змеи на голове Горгоны, извиваются и шипят.

Верчусь, сминая крепко заправленные простыни. Они мокрые от моего пота насквозь. Возможно, даже плачу.

— Пора подниматься! — мама заходит в мою комнату без стука. За ней плетется Мари. Ее глаза красные, и понимаю, что сестра тоже всю ночь редела.

— Ты же не хочешь опоздать на свою свадьбу, дочь? Кстати, я уже видела в лобби Рафаэля. Он интересовался, как ты себя чувствуешь и не нужно ли тебе чего? Раф показался мне милым и внимательным. Из вас получится хороший союз.

Раф — хитрый монстр, мама.

Закрываю уши подушкой и громко мычу. У моей проблемы правда нет другого решения, кроме как... *он?*

* * *

Смотрю на свое отражение, и так и тянет взять что-то тяжелое и кинуть, разбивая зеркало на осколки.

Белое платье длинное, чуть пышное. Верх вышит стразами, ткань полностью покрывает руки, а вот плечи и ключица остаются открытыми. На ногах симпатичные лодочки на невысоком каблуке.

И самое непонятное в этом образе для меня — фата. Она длинная и плотная. Такая безвкусица!...

— Сейчас придет фотограф сделать несколько снимков для журнала, — мама говорит с некой гордостью в голосе. Хотя она прекрасно осведомлена, какова цель этого брака. Вот оно — умение играть на публику.

Когда раздается стук в дверь, желудок болезненно сжимается. Щеки вспыхивают от скачка адреналина в крови, и вопреки всем установкам и правилам, мои руки дрожат от испуга.

Откуда-то знаю, что пришел не фотограф. Слишком... по-хозяйски прозвучал стук. Он будто бы не должен был звучать вовсе.

— Веди себя подобающе, Марго, — очередь мамы предупредить. И да, она тоже почувствовала присутствие Борзова за дверью.

Он заходит тихим, уверенным шагом. Чуть медленнее, чем в зал ресторана, но мое сердце совершает кульбит, отчего сжимаю ладони в кулаки. Главное — не выдать своих истинных чувств.

Не выдать свой страх.

— Видеть невесту до свадьбы — нехорошая примета, —

с актерской улыбкой на лице говорит мама, немного даже заигрывая.

— Верите в приметы? — бросает небрежно и незаинтересованно.

Его голос хриплый. Отталкивающий.

— Все женщины верят в приметы, — разглаживает невидимые складки на моем платье.

— И ты? Марго? — спрашивает Монстр.

— Я верю в то, что кинжал, воткнутый в сердце врага и прокрученный на девяносто градусов доставляет адские мучения и гарантированную смерть в течение минуты. А видеть невесту в платье до свадьбы... Это всего лишь тряпка. Сегодня она одна, завтра — другая.

Мама громко вздыхает. Мари на моих глазах бледнеет, никакие яркие румяна не спасают.

Все уставились на меня, будто я раскрыла тайну нахождения гробницы фараона Рамсеса VIII.

Я знала, что лучше безмолвно покачать головой и согласиться со всем, даже с утверждением, что земля плоская. Но... не смогла. Никогда не могла.

Раф пронзает меня взглядом, как накаливает на иголочку, и делает шаг, возвышаясь мертвой скалой, от которой пахнет заледенелыми снегами, чистотой и горькой лимонной цедрой.

— Забавная... — говорит мне в лицо, обдавая алкогольными парами.

Эм-м-м, на часах и девяти утра нет.

Под глазами Борзова тени, губы сухие и поджатые. Ни капли румянца нет на щеках. Он бледный как смерть. И, походу, не спал всю ночь.

Легко посмеивается. Он не договорил... Забавная кукла? Забавная игрушка? Забавный трофей? Борзовы явно запросили в ответ за услугу что-то важное для себя.

— Повернись, — грубо приказывает.

Прикрыв глаза, вынужденно переставляю ноги, отклеивая те от пола. Ощущение какого-то неминуемого взрыва охватывает сердце и заставляет то биться быстрее и быстрее. К моему сожалению, Борзов считывает мое состояние, и наверняка его это веселит.

Холодный металл опускается на мою грудь, тонкая цепочка ложится на шею, и легкие толчки в спину разворачивают меня лицом к зеркалу.

— Кулон, — говорю очевидное.

— Кольцо было бы слишком пошло, — раздраженно отвечает. — «Кротость. Молчание. Тишина». Это указано сзади. У каждой сделки есть своя цена, Марго. А у каждого поступка — последствия. Надеюсь, ты все правильно рассчитала.

Он уходит так же внезапно, как и появился, оставляя меня в раздразе. Я хочу уничтожить этого монстра, и в то же время слова о цене не дают мне покоя.

Глава 4. Марго

— И все-таки Рафаэль Борзов — жуткий тип, — Мари отвисает первой после внезапного появления Борзова в моей комнате. — Тиран.

— Прекращайте, девочки, — строго просит мама. Ее скулы напрягаются, а количество резких выдохов увеличивает-ся. — Он может еще стоять у двери. И потом, Марго, выходя замуж за вашего отца, я тоже мечтала всадить ему пулю меж бровей, а потом и нож в сердце, — и затихает.

Я же хочу неистово кричать: *«Это не одно и то же! Ты всегда любила папу, но особенной любовью...»*

Да и все мы понимаем, что расстановка сил, даже с учетом деятельности нашего отца, не равна. Что ни делай, мы в меньшинстве, и у нас нет таких ресурсов, чтобы бороться и против Борзова, в случае чего.

Не окажутся ли они опаснее, чем Решетняк?...

Вопрос, не дающий покоя. Столько лет прошло, как папа тепло дружил с Леонидом. Мир поменялся.

Когда все мои приготовления к свадьбе заканчиваются, нас на выходе встречает охрана и ведет куда-то вниз. Ноги плохо слушаются, заплетаются. Я крепко держу Мари за руку, будто только она и есть моя опора и связь с реальностью.

Происходящее так и тянет назвать абсурдом!

И кто бы знал, как я стараюсь делать вид, что все в поряд-

ке.

Мы идем по пустому коридору, и звук шагов отражается неприятным эхом. Пахнет затхлыми вещами, пылью и сладкими, старческими духами. И вот нас, наконец, доводят до просторного зала с красной дорожкой и гипсовой лепниной по потолку. Нелепо...

Здесь прохладно, и я то и дело слышу хлопки дверей.

— Фотографии для журналов и светских пабликов, — радостно отзывается один из фотографов.

Я бросаю на него кислый взгляд. Мне плевать на них.

Раф стоит спиной ко мне и даже не соизволил повернуться, зная, что подошла я.

Его широкие плечи обтягивает белая рубашка. Она кажется мне на размер меньше, и сквозь ткань проглядывают чернильные рисунки.

Жу-у-утко.

Наверняка там что-то на латыни. Этот монстр на контракте у дьявола, и теперь, по приказу моего отца, Борзов утянет меня за собой. Не то чтобы я вдруг собралась в рай, но я могла бы об этом размышлять. Теперь же путь заказан.

Я — жена приспешника зла.

Шагаю к Борзову. Звук каблуков вбивают колья в мое будущее и в мое сердце.

Когда он слегка поворачивает голову, и я вижу его серые, как потускневшее серебро, глаза, внутренности сжимаются в один большой комок, который тянет.

Я по сравнению с ним малышка, а так и вовсе на грани исчезновения.

А ведь он, не задумываясь, может меня убить... Запереть, держать как суку, иметь как вздумается, и отец уже вряд ли сможет защитить. Ему просто не скажут, а я... Мне не позволят. *Самое ужасное для моего понимания положение.*

Меня не растили для кого-то особенного и не обещали любви в семье, но учили знать себе цену и никогда не соглашаться на что-то ничтожное. Поэтому мне в эту минуту очень сложно. Тепла бы, хоть чуточку.

— У нас две минуты, — сухо говорит, неторопливо чеканя слова.

Встаю рядом. Рука Борзова касается моей поясницы, и я прекращаю дышать. Его касание — это введение паралитического яда. Действует медленно, но уверенно и насмерть.

Вспышка. Я моргаю. Дергаюсь. Вторая вспышка, третья... Фотограф смотрит на экран своего аппарата и недовольно морщится.

— Маргарита Абрамовна, было бы здорово, если бы вы чуть улыбнулись. Покажите, как вы счастливы! Такая свадьба, такой муж, а вы... — переводит быстрый взгляд на Рафа и замолкает.

Вот! Он затыкает людей одним своим присутствием!

— Больше любви в глазах, — не унимается фотограф, — больше страсти!

Пот градом стекает по спине. Всей кожей чувствую жар

чужого тела. Он прожигает кожу насквозь, превращая все в пепел.

Другой бы в этой ситуации сказал пару ободряющих слов. Но Борзов стоит и даже не улыбается. Про любовь в глазах и прочее было адресовано исключительно мне.

Когда самовольно кладу руку на твердое плечо Монстра, мышцы под моими пальцами превращаются в стальные, скрученные жгуты. Чувствую их бугристость и твердость.

Некстати вспоминаю слова Мари: «Он же разорвет тебя...»

Сглатываю свой страх, и он оседает грудой камней внизу живота.

— Достаточно, — бурчит фотограф, и пулей уношусь из зала.

«Тук-тук-тук» — быстро стучат мои каблуки, будто сваи ими забиваю. Или гвозди в крышку своего гроба.

Мне в спину не летит даже банального «Постой». Две пройденные минуты показались вечностью. Так она будет казаться мне и в аду, когда я туда попаду.

М-да... Дела, однако.

Несусь в ближайший туалет. Закрываю дверь и наваливаюсь на нее всем своим малочисленным весом. В груди больно колотится сердце. Слезы уже обступили глаза, и мне хочется плакать как никогда. Это не про слабость, а про безысходность.

Чувствую, как моя свобода уплывает у меня из рук...

Впервые.

Тихий, но уверенный стук в дверь — двойной, нервный. — От него все внутри съеживается. Ноги подкашиваются. А платье к тому же такое тяжелое, давит на плечи холодной тяжестью вшитых гирь.

Приоткрываю щель и вижу напуганную до предела Мари. Ее щеки покраснелись как с мороза, а плечи ходят ходуном. — Впусти, — шепчет.

У меня нет желания, чтобы и сестра видела меня в таком состоянии. Я пошла на сделку ради нее в том числе, и последнее, что хочу, — видеть Мари несчастной и напуганной.

И все же неспешно отхожу в сторону и пропускаю сестру внутрь.

— Я все придумала. Целую ночь не спала! — скрипит осипшим голосом. Уверена, это от скачка адреналина. Мари напугана. — Ты... сбежишь со свадьбы, Марго. У нас минута, чтобы добраться до черного выхода. Там уже ждет машина. Я обо всем позаботилась! Доверься мне.

Берет мою руку и тянет на себя.

— Но времени почти нет. Пора!

Глава 5. Марго

Мари смотрит на меня с ожиданием в глазах. Ее волнение (даже страх) смешивается с азартом. Она воспринимает это все как приключение. Опасное, но все же приключение.

Ребенок!

Хотя я не лучше...

— И какой у тебя план? — спрашиваю, уперев руки в бока. От нервов дыхание рвется.

Из дальней туалетной кабинки Мари достает пакет с одеждой. Ничего особенного: зауженные джинсы, кофта с высоким воротом и кеды. Из головных уборов — кепка и платок.

Сестра помогает переодеться, разрывая платье со спины. Мелкие пуговицы едва поддавались, пришлось действовать решительно. Нисколько не жаль, все равно оно мне не нравилось.

Отбрасываю туфли, чувствуя, как по ногам стекает освобождение. Оковы сняты в прямом и переносном смысле.

— Дальше что? Ты же в курсе, что сейчас отвечаешь за наши головы? — испуганно перевожу в зеркале взгляд на Мари.

Внутри начинает селиться сомнение. При взгляде на порванный наряд невесты осознаю, что платье утеряно безвозвратно. Идти на попятный с каждой минутой становится безумнее, чем оставаться на месте.

Подхожу к раковинам и пытаюсь смыть весь макияж. Он, как назло, водостойкий, и мне приходится использовать ядреное мыло из диспенсера. Большой жести мои глаза не чувствовали. Щиплет. Жидкость въедается до мозга.

И почему-то виню в этом Монстра и ненавижу, а не мерзкого Решетняка, из-за которого я, в общем-то, оказалась в ловушке.

— Нам нужно пробраться в кухню ресторана. Вчера, когда ты уснула, я полночи флиртовала с одним барменом. И договорилась, — ведет плечами и играет бровями.

— Мари?!

— Я использовала все свое обаяние и ни сантиметра тела.

Сестра приоткрывает дверь первой. Замираю и даже замуриваюсь. Мне видится, что та распахивается, отбрасывая нас на метры назад. Мы жестко приземляемся.

Монстр пришел.

По коже тут же волочится смертоносный холод, замораживая кровь до полной остановки ее движения.

— Все тихо, — обернувшись, шепчет и крепко хватается меня за руку. Я почти не чувствую этой сильной хватки.

— Как же камеры? — киваю на угловую. Красный огонек опасно мигает, когда смотрю прямо на него. Руки оплетает ужас.

— Этих камер сотни по отелю. Мы успеем проскочить и скрыться до того, как нас поймают. Поэтому и говорю, у нас мало времени.

До кухни мы бежим. Благо Мари предусмотрела обувь. Мои кеды очень удобные, на сестре ее любимые кроссовки. Осталось забрать сумки с необходимым, которые Мари оставила за барной стойкой своего ухажера.

— Надеюсь, он не из болтливых. Как бы не пришлось отрезать ему язык. Не самое приятное зрелище... — ворчливо шепчу.

Мари зыркает.

Смотрю в ее глаза и, кроме огромных зрачков, ничего не вижу. Если я готова была отдать свою судьбу в руки Монстра, чтобы уберечь Мари, она готова разделить со мной участь беглянки, но не дать мне закончить свою жизнь в постели Борзова.

А в детстве мы рвали друг на друге волосы...

Бармен передает нам невзрачный пакет, который по объему как косметичка. Но времени возникать у меня нет. Мы крадемся через кухню к черному выходу. Нам помогает тот же парень из бара. Поварам до нас дела нет. Они заняты приготовлением к моей свадьбе.

И когда мы вырываемся на улицу, я успеваю сделать глубокий глоток воздуха, перед тем, как раздается громкий клаксон стоящей рядом машины.

От звуковой волны этого сигнала даже кости ломаются, а нервы рвутся подобно дешевым ниточкам. Сознание плывет, я теряюсь и забываю, где нахожусь. Становлюсь беспомощной, и это не самое выгодное положение.

— Это за нами! Тот парень из бара сказал, что его брат подрабатывает таксистом. Я не могла не воспользоваться.

— Боже, неужели я правда это делаю? — спрашиваю, открывая дверь и запрыгивая внутрь.

— Мы это делаем, Марго. Я не могу позволить, чтобы ты отдала свою жизнь Борзову.

Хлопок. Педаль в пол. Нас отбрасывает назад, и мой пульс подскакивает до облаков. Сердце бьется в горле. И не сглотнуть совсем, когда все во рту пересохло.

Я беспрестанно вспоминаю отель, откуда мы сбежали, и... представляю вид Монстра, когда все вскрыется. Это же позор для такого бандита, как Борзов. Не удержать жену? Позволить ей скрыться?...

Жар сменяется леденящим холодом, и находишь мы в отеле еще хоть минуту, я бы, наверное, перекроила план Мари. Мы совсем позабыли, что у нас еще есть мама и папа. А я не помню, чтобы была эгоисткой. Скорее, наоборот.

— Все в порядке. Я стащила у отца наличку, и потом мы с барменом обходили несколько банкоматов, чтобы снять какие-то деньги на первое время.

— Снова бармен?

— Я заплатила за оказанную мне помощь.

— Деньгами?

— Своим временем, Марго, — и закатывает глаза.

Таксист останавливает машину спустя полчаса в спальном районе. Дома в округе выглядят прилично, есть детские пло-

щадки и даже торговый центр. Я не знаю, где именно мы находимся территориально, и надо бы выяснить, чтобы в случае чего знать, в какую сторону убегать.

Лично я не доверяю ни бармену, ни его брату таксисту.

«В этом мире доверять следует только себе, Марго», — звучит в голове голос папы. И я мысленно бью себя по лбу.

Папа, почему ты подошел к моей проблеме так кардинально?...

— Я смогла забронировать номер на сутки в этой гостинице. Она принадлежит какому-то там институту. Но на ночь не останемся. Приведем себя в порядок, отдохнем и двинемся в путь.

— Бронь, неизвестный путь. Мари! Нам нужны паспорта. И чтобы правда бежать, необходимы поддельные документы! И деньги... Что мы будем делать, когда все, что ты сняла, закончится? Звонить папе?

— Обижаешь, сестра, — и вынимает два паспорта, — вчера в баре сидели две девицы. Рыженькая и рыженькая. Глядя на них я, впрочем, и придумала все. Оказывается, они тоже сестры.

— Ты опять за старое?! — злюсь.

— Это все ради тебя, — обиженно отвечает и опускает взгляд. Я выдергиваю украденные документы и раскрываю на второй странице. — Отлично! Мы как две капли на них похожи, — ерничаю. Ведь все совсем не так. — Надо вернуться, Мари... — озвучиваю мучающую меня мысль.

Я поддалась напору сестры. Страх сгубил мой разум, а вид равнодушно-опасного Монстра поселил беспокойство.

Он не простит... Убьет. Предупреждал потому что.

— Нет! Я уверена, папа с мамой будут на нашей стороне. Ты знаешь родителей, они поругаются и все равно помогут. Нужно только время, пока папа успокоится. А мы посидим тихо. Тебя никто не найдет: ни Монстр, ни Решетняк. Твое замужество с Борзовым — ошибка. И папа это поймет, когда увидит, что ты в безопасности.

Отлично, была одна проблема, стало две...

— Веди в свою гостишку. Мне как минимум нужно еще раз умыться. От отельного мыла сейчас вырву глаза. Чешутся невыносимо.

Глава 6. Марго

Нам выделили маленький и старый номер на последнем этаже под самой крышей. Ремонта здесь не было добрый десяток лет. На потолке растеклись желтые разводы от протечек.

Сажусь на кровать — под моим весом скрипят пружины — и с мычанием утыкаюсь в раскрытые ладони.

Наверняка в отеле уже поднялась шумиха. Нас ищут. После того как адреналин поутих, я начинаю думать про маму. Она, без сомнений, волнуется и переживает за нас. Вся наша жизнь про это: про волнение за жизнь близкого человека.

Мари наблюдает за мной, покусывая щеку изнутри.

— Да, план неидеальный. С погрешностями. Но еще час-другой, и ты бы стала женой Борзова! Ты вообще представляешь, что бы тебя ждало?! Отец всегда учил нас сопротивляться до последнего, настаивать на своем, быть сильными и упертыми.

— Это не касается его приказов, Мари.

Снимаю с себя джинсы со свитером и переодеваюсь в рубашку, которую сестра прихватила с собой в пакете. Там же нахожу зубную щетку, пасту и нижнее белье.

— Я думаю, дальше надо ехать на поезде. Купить билет до конечной станции, а сойти раньше. На первое время денег хватит, чтобы снять квартиру. Мы заляжем на дно, —

говорит громко.

— Ты фильмов пересмотрела? — спрашиваю, смывая с себя остатки макияжа, с которым не справилось отельное мыло.

— Надо либо выбрать глухую деревню, либо мегаполис, где затеряться — не проблема, — предлагает. — Но все же нужно сначала выбраться из столицы, потому что ее начнут перерывать сверху донизу.

Дальше Мари размышляет о том, что неплохо было бы перебраться южнее, к морю. Я в это время завариваю чай. Начинаю чувствовать легкий голод, а в наличии только пакетик дешманского зеленого чая и сахар. Негусто... Желудок не перестает урчать.

— Помнишь, как в детстве мы прятались на чердаке? — вдруг спрашивает. — Папа так долго нас искал, а мы хихикали.

— Он с нами играл, Мари, — смеюсь.

— Уверена, что нет, — упрямо качает головой. — Он искал очень долго, а когда находил, ругал. По-настоящему! — по-детски восторгается.

— Он всегда нас находил... — делаю неутешительный вывод.

Работа у папы такая — находить плохих людей по заказу. Мы не плохие, но на этом свете нет человека, который смог бы спрятаться от папы. Наш план побега сорвется через...

Сколько нужно отцу, если он знает все наши мысли напе-

ред? Поезд, большой город, море...

Мари всегда этим грезила и всегда утверждала, что уедет от семьи к морю в тот момент, когда отец на нее ругался.

Укладываюсь в кровать с тяжелым сердцем. Возвращаться в отель к Борзову тупо. Остается двигаться вперед, но я задумываюсь о том, как буду оправдываться за свое поведение и какое наказание меня ждет.

Что ж... Я никогда не была послушной.

Прикрываю глаза и погружаюсь в беспокойный сон. Снится Монстр, его улыбка, от которой кровь стынет в жилах, а от касаний, жгущих меньше чем за секунду, тихо и мучительно умираю.

И я, как закинутая в короб шарманки, слышу одно и то же: *«Я сам сдеру с тебя шкуру»*.

А когда чувствую в носу яркий запах никотина, распахиваю веки и вижу его.

Раф.

Монстр.

Он сидит на кровати напротив, локти упираются в колени, а сцепленные ладони подпирают подбородок. В полумраке его глаза точно налитые ртутью. Они даже неестественно светятся.

— Я начал думать, что ты не такая дура, какой показалась мне в первую встречу. Ошибся, — говорит и проходит языком по губам, как хищник перед трапезой, а я... его жертва.

От страха не могу пошевелиться. Рукой автоматически ищу под подушкой пистолет или хотя бы рукоятку ножа. Но все бессмысленно, потому что ни того ни другого у меня нет.

Пробую отползти, но не тут-то было. Ноги не слушаются, они будто отнялись. Я начинаю задыхаться.

Мари в той же позе, что и я. Она проснулась раньше и сейчас смотрит то на меня, то на Монстра во все глаза. Ей тоже страшно. Губами шевелит, и я читаю по ним слово «прости».

— Вставай, — лениво отдает приказ Раф и поднимается с кровати.

Слежу за каждым его шагом. Если он будет нападать, я буду защищаться до последнего, вгрызаясь острыми клыками в его сонную артерию.

— Ты нарушила договоренность, Марго. Как думаешь, какую цену заплатил твой отец, чтобы упрятать тебя? Что он отдал в обмен на твою безопасность, и... жизнь, я полагаю.

Заталкиваю внутрь себя гордость и встаю с кровати. Рубашка короткая, и Монстр видит мои открытые бедра и даже кусочек нижнего белья.

Борзов скользит по мне равнодушным, безгловым взглядом и отворачивается к окну.

Я уверена, он искушен женским вниманием. Что ему узкие, бледные бедра с противными веснушками по всей поверхности?

— А что получаете вы? — мой голос дрожит, но я удерживаю прямой взгляд. — Ты не кажешься мне таким уж заин-

тересованным в этой сделке. Очень сомневаюсь, что ты влюбился в меня с первого взгляда, Монстр! — выкрикиваю.

От своего выпада кружится голова.

Энергия Борзова оказывает на меня какое-то удушающее действие. Я готова схватиться за горло и разодрать его, чтобы кислород хоть как-то поступил в легкие. Сердце вот-вот выскочит из груди.

— Влюбился? В тебя? — едва заметная улыбка появляется на его губах и тут же исчезает, как и не было ее.

Раф шагает на меня, когда я заставляю себя выдержать это наступление и не сдвинуться ни на сантиметр в сторону или, не приведи господь, назад.

— Глупая, эгоистичная малолетка, — шепчет с хрипотцой ровно в мои губы, и я чувствую на них вкус свежесваренного никотина, сворачивающего живот в тугую комок.

Взгляд Монстра падает на мою ключицу и грудь, и я слышу довольно громкий хмык, поселяющий во мне странную обиду.

— Переодевайся, — кивает на бумажный пакет у двери с логотипом суши-ресторана.

— Ч-что там?

Не поварской халат и не прикид официантки же?

— Платье. Свадебное. То, что вы обе испортили, — зыркает прищуренным взглядом на меня и Мари. Загораживаю ее собой. — Там же найдете швейный набор. И мне плевать, если вы не умеете шить. Даю пять минут, иначе пойдешь в

этом, — смотрит на мою рубашку, и я резко одергиваю подол. На мне кружевные трусы, прозрачные. Это будет позором.

— Выйди тогда, — мои щеки окрашиваются в красный. Не видно ни одной веснушки.

Но Монстр занимает место у подоконника и скрещивает руки.

Забавная... Я помню.

Глядя Монстру в глаза, расстегиваю пуговку за пуговкой и сдергиваю с себя уютную байковую рубашку, оставаясь в одних стрингах. Мари ахает. Даже не оборачиваясь, я знаю, что сестра зажимает рот рукой.

Еще ни один парень не видел меня голой.

— Мари! — зову сестру. Она понимает все без слов и вскакивает с кровати, делает неловкие шаги до пакета и достает оттуда изуродованное платье. Куски не сшить, даже если ты долбаная Фея-крестная Золушки!

Не отвожу взгляда от довольного Монстра. А он чертовски доволен, пусть и не улыбается и стоит точно одеревенелый.

Унижение поселяет во мне дрожь и слезы, с которыми сражаюсь изо всех сил. Монстр въедается в меня, точно высасывает душу.

Провозившись с юбкой, Мари натягивает на меня платье до плеч и пытается свести части корсета за спиной. Ругается. Колет меня несколько раз иглой, когда пробует сшить ткань.

Не издаю ни звука.

— Мне нужны туфли, — опускаю голову. Подол платья длинный, без туфель я буду заплетаться в нем ногами.

— Моя задача — не дать своей невесте сверкать сиськами перед моими людьми. Про обувь речи не было, — говорит, уходя из номера.

Глава 7. Марго

К выходу из гостиницы пригнали целый кортеж. Перед глазами десятки машин и еще больше людей. Боязливо смотрю на всех, пока не замечаю отца, довольно уверенно идущего в нашу с Мари сторону.

Монстр оказался прав: лучше быть босой, чем раздетой.

— Все в порядке, Марго? — кладет руки на мои плечи и трясет.

С ответом медлю. Мне не дает покоя беспокойный тон папы. Будто я не убежала с вынужденной свадьбы, а меня... похитили.

— Выглядишь ужасно, — прижимает к себе, поцеловав в висок. Едва не падаю от шока. — Мне сообщили сразу же. Хорошо, что Раф взял все в свои руки и с тобой ничего не сделали.

— Раф? В свои руки?

Борзов стоит неподалеку и сверлит меня острым, как сверло, взглядом. Кажется, на его лице даже играет что-то вроде злорадствующей усмешки. Он прекрасно слышит каждое сказанное слово, но не спешит объясниться. Наблюдает, хотя видит мое замешательство и растерянность.

— Спасибо ему, конечно, за это, — проговариваю без особого желания, чуть ли не покрываясь сыпью от раздражения, что была вынуждена сказать это.

— Расскажешь, как так получилось? — спрашивает, прося кого-то принести мне плед.

На улице небольшой плюс и слякоть.

Но меня трясет не от холода, а от злости. Страх перерос в ярость. *Хитрое чудовище* играет... Со мной, с отцом, со всеми нами!

— Да, Марго. Расскажи, — Борзов оказывается рядом и кладет свою широкую лапу мне на поясницу, покрывая ее всю. Заботливый жест, не несущий в себе истинной заботы.

Мари сбрасывает с себя свой плед. В ее глазах собираются крупные театральные слезы. Я ведь знаю, как сестра плачет на самом деле.

— Это было ужасно. Нас схватили те двое... Бармен и как его? Они привезли сюда и сказали сидеть тихо. Я думала, что умру от страха, — говорит дрожащим голосом. Ни один мускул на ее лице не дернулся от вопиющего вранья. — Нас заставили воспользоваться чужими паспортами. Мерзко и неправильно. Бедные девушки. Надеюсь, они живы и их обязательно найдут...

Волны гнева подкрадываются к моему затылку и обхватывают всю голову клешнями. Та начинает трещать похлеще трансформаторной будки.

— Решетняк, — заключает папа.

Удивительно, но я выдыхаю.

Пусть все свалится на того наемника, чем на нас с сестрой. Хотя, разумеется, ей еще от меня достанется. И зачем

я, дура, только послушалась ее?

— Как всегда, все скидывает на каких-то дегенератов, — выплевывает ненавистно. — Всегда таким был. Непонятно, как еще поднялся!

Опускаю взгляд на свои покрытые грязью ноги. Пропал свежий педикюр. Мои аккуратные ноготочки с красным лаком теперь выглядят так, будто меня достали полуживую из-под земли. Кожа синюшного цвета, кое-где появляются синяки.

— Хорошо, мы успели перехватить парней, — включается Монстр, и я быстро вскидываю на него широко распахнутые глаза.

Шутит?... Одно его слово — и все вскрыется. Борзов прекрасно осведомлен, что в этом деле нет никакого Решетняка. Есть две безмозглые девицы!

— Спасибо, Рафаэль. Теперь я убежден, что поступил правильно, обратившись к вам. Как бы это сложно для человека моего уровня ни было.

Закатываю глаза. Папа гордый. На моей памяти он ни к кому и никогда не ходил что-то просить. И сейчас слышать, как отец искренне *благодарит* чудовище, мне хочется кричать во все горло.

Да и вообще есть некая обида, что папа не допустил и мысли о том, что побег — наших рук дело. Будто бы нам не хватило смелости, ума и сил. Он же учил нас всему лет с шести!

— Парней предлагаю ликвидировать. Нужно показать Ре-

шетняку, что не стоит с нами играть. Как считаете? — Монстр говорит отцу, глядя на меня. — Это послужит хорошим уроком. Я хоть и молод, но такого отношения к своей семье не потерплю и буду действовать решительно. Марго же теперь Борзова? Остались формальности.

Меня бьет мелкой дрожью.

Смотрю Рафу в глаза в надежде увидеть хоть каплю человечности. Парни же не при чем! Но человечности нет. Ни тени, ни крошки. Пустые, безжизненные глаза убийцы, не знающего о прощении.

— Как считаешь, Марго? — приближается, обдавая парами никотина от только что выкуренной сигареты.

На меня неукротимо надвигается ледяная волна. Хватаю воздух ртом, и внутрь заползает страшный холод, не дающий двигаться и говорить... Думать!

Я парализована.

Никто не догадывается, что быть под крылом Борзова, — это совсем не про безопасность. Это про ловушку, где у него свой интерес, а ты нетипичная жертва, которую ввели в заблуждение.

Печальное и отвратительное положение. Внутренности от варящегося под кожей неприятия сворачиваются, как кровь в кипятке.

Ненавижу его. Ненавижу всей душой!

— Жаль, конечно, ребят... — ровным голосом говорит моя сестра. Уголки ее губ наигранно ползут вниз, аккурат-

ные две слезинки спадают по бледным щекам. Надеюсь, ей все же стыдно. — Но я хочу скорее вернуться в отель и забыть этот кошмар, — и равнодушно дергает плечом.

Мари... Ловлю ее взгляд, она осторожно приподнимает брови и поджимает губы.

Меня сажают в машину, куда через пару минут садится Борзов. Я подвигаюсь ближе к окну, но даже так чувствую Монстра невыносимо близко. Он точно везде: в воздухе, на моей коже, в моих легких... Чудовище снова курило.

— Я так понимаю, свадьба не отменяется? — спрашиваю очень тихо и зло.

— Я обещал твоему отцу — это раз, — медленно говорит с ленью в голосе. — Нас в отеле ждут триста человек, заставлять их терять свое время нехорошо — это два. Ну и три — ты для меня неплохая сделка, Марго Рерих.

— Бизнес и ничего личного, — констатирую, сглатывая чувство несправедливости. Приходится заглушать острый укол где-то под сердцем.

Укутаться хочется сильнее. Мне девятнадцать, в глубине души я в ожидании любви и классного парня. Видимо, не в этой жизни.

— Будешь вести себя хорошо, через год, максимум полтора, освободишься. Я тоже дурной девке в няньки не нанимался.

Фыркаю. Ноги поджимаю под себя и слышу характерный треск платья на спине. Нитки, сшивающие огрызки тканей,

разорвались.

— Освобожусь, говоришь? Убьешь, что ли? — поворачиваю голову. Раф делает то же самое.

Вдруг замечаю, что когда монстр расслаблен, его губы выглядят пухлее, и... соблазнительнее. Этот мудака наверняка неплохо целуется.

В носу есть дырочка от пирсинга, но нет сережки. Любопытно, какая она и как Монстр выглядит с ней. Хотелось бы, чтобы ужасно, но, скорее, все наоборот.

Опускаю взгляд к его шее. Мощная. Ее никто не в силах переломить или задушить толстой веревкой. Один глубокий вдох, и веревка порвется, как синтетическая ниточка, которой Мари сшивала мой корсет.

— Убью или нет — зависит от тебя, Марго.

— Я бы с удовольствием тебя убила, — наклоняюсь, шипя точно змея перед нападением.

Не подумала, что так расстояние между нами сокращается. Мой корсет едва удерживается на груди, и взгляд Рафа ныряет в мою ложбинку.

— Ты сбежать-то не можешь, — он... смеется надо мной?

— Кстати, как ты нас нашел? — подтягиваюсь еще теснее.

— Это останется моим секретом. И да, поговори со своей чокнутой сестрицей, чтобы больше такие финты не выкидывала.

— Иначе?

— Иначе будет, если ты не уговоришь ее или она не по-

слушается. Не люблю свидетелей. Мы приехали, — кивает на окно за моей спиной.

Меня раздражают эмоции настолько, что я готова расплакаться. Мне по-прежнему невыносима мысль о скором замужестве. Страх где-то крутится за ребрами и в животе, делая тот твердым, как камень.

Открываю дверь (кто я такая, чтобы открывать ее для меня, да?) и босой наступаю на ковровую дорожку, застеленную до входа в отель. Рукой поддерживаю развалившийся корсет. Порыв ветра подбрасывает рыжую прядь мне в лицо, заслоняя Монстра, который встал передо мной, подавляя своей удушающей аурой.

— Я правда могу тебя убить, Марго Рерих. И мне не составит труда свалить все на Решетняка. Подумай в следующий раз, когда решишь сбежать и лезть туда, куда не следует. Я к тебе ничего не испытываю, чтобы жалеть. И уж точно не сочувствую твоему положению.

Я тоже могу выстрелить. В спину. Но остаюсь стоять и молчать об этом. Жаль будет его убивать. Монстр хоть и ужасный, но довольно симпатичный... *Он мог бы мне понравиться.*

Глава 8. Раф

Итак, семья Рерих...

Абрам — хороший наемник, поднявшийся на том, что может убить врага чуть ли не одним резким выдохом. Бьет четко, сразу насмерть. В его подчинении десятки лучших кадров. И это не только те, кто пускают пулю в лоб за бешеные деньги. Это охрана важных людей, в частности. Поэтому объединиться с Рерихом — отличный вариант перейти на следующую ступень.

Так что, Ржаваяправа, — *бизнес, и ничего личного.*

— Спасибо, что не рассказал все отцу. Это бы его очень расстроило, — в ожидании сбежавшей невесты, опираюсь о стену и слушаю ее лепет. — И что принес запасное платье, — кричит. Видать, полоумная помогает ей одеться.

— Я был бы рад, если бы он тебя выпорол как следует, — шепчу, переваливая вес с одной ноги на другую.

Уже три часа, как празднуется наша свадьба. Официальную часть мы пропустили, документы оформили без нас, пока я следил за Ржавой, ехал за ней и доставлял обратно.

Мог бы плюнуть, но перспектива расширить свой бизнес за счет кадров Рериха как мерцающий желанный огонек перед глазами. Манит, согревает, дает свет.

В конце концов, этот театр продлится недолго, а Решетняк, угрожающий жизни Ржавой, не сунется ко мне. В отли-

чие от Рериха мне делить с ним нечего, и я, не задумываясь, пальну в него из своего любимого оружия, если тот задумает прийти на мою территорию не с миром.

Ржавая выходит в сопровождении полоумной. Последняя не испытывает и капли вины за содеянное. Еще одна избалованная дура. Даже не спросила о парнях. Я, конечно же, убивать никого не стал. Они жертвы, а я не убиваю слабых и обманутых.

— Что дальше? — Рерих старшая спрашивает с грубостью. Недовольно поправляет корсет. В этом будет не так удобно, как в том, разорванном.

Веду взгляд от ее светлых глаз к пухлым губам и ниже. Грудная клетка соблазнительно усеяна веснушками. Мой подаренный кулон теряется в ложбинке ее груди. И да, несмотря на рост и комплекцию, сиськи у нее имеются вполне себе. Ржавая прекрасно это знает и пользуется.

От талии тянется юбка в пол с глубоким разрезом на бедре. Босоножки на высоком каблуке делают ее ноги еще длиннее.

Марго Рерих. Таких точно сжигали на кострах, и я бы с удовольствием подкидывал поленья в этот праведный огонь.

— Целоваться умеешь? — спрашиваю ровно.

— Прошу прощения?... — Ставит руки по бокам и наклоняет голову ко мне. До носа долетает аромат ее духов и еще чего-то сладкого, кофейного. Бодрящего.

— Целоваться? Умеешь? У нас гостей триста тридцать че-

ловек. Они жаждут увидеть нашу с тобой любовь, — я ухмыляюсь.

Мне нравится, как Ржавая краснеет. И не потому, что воспылала ко мне светлыми чувствами.

Это не про нас.

Мы возненавидели друг друга с первого взгляда, с первой фразы. И мою просьбу быть кроткой Рерих будет игнорировать от первого до последнего дня.

Главное, чтобы не снимала кулон.

— Умею. — Цедит сквозь зубы.

Ее полоумная сестра полна ужаса, вот-вот в обморок упадет.

— Тогда отыграй достойный поцелуй, изобрази хорошую невесту и покажи радость в глазах. Тебя спасли из рук опасных похитителей и вернули к любимому мужчине.

— Одно условие!

Поворачиваюсь, чтобы уже, наконец, отыграть весь фарс, сесть на самолет и улететь домой. Дел по горло.

— Не суй свой язык мне в горло, — проходит мимо, задев плечом.

От неожиданности пошатываюсь.

— Предпочитаешь что-то другое? — довольно громко спрашиваю. Ржавая спотыкается о ковер, но не падает и продолжает идти.

Под кожей больно покалывает. По всей поверхности, там, где татуировки, будто кто-то разом решил их перебить из-

нутри. Я иду следом, улыбаюсь, воображая, как мои руки смыкаются на тонкой светлой шее до характерного хруста.

Ржавая останавливается. Ее плечи поднимаются и опускаются от глубоких, но тяжелых вдохов и выдохов.

Думаю о том, что мы реально можем перебить друг друга. Это не красивая фраза. Это правда. Я могу всадить ей пулю, а Рерих мне... нож.

— Не рискуй, Борзов, — довольно просто и легко говорит, так и не повернувшись ко мне.

В зал заходим, держась за руки. Лицемерие высшей степени без капли сожаления и совести.

Ловлю обеспокоенный взгляд отца и незаметно ему киваю. Идея со свадьбой принадлежит ему. Сначала я жестко отказывался, а потом нарисовал в своей голове открывающиеся перспективы...

Звучат стандартные поздравления, от которых разит фальшью, дарятся нелепые подарки. Танцы, конкурсы, жратва и бухло... Нас снимают, фотографируют, выкладывают тут же в сеть. Это тоже идея папы. Решетняк, узнав о грандиозности такого заявления — Марго не Рерих, а Борзова, — не будет лезть. Старый и больной маразматик не любит шума.

В момент, когда звучит «Горько!», я кладу руку на бедро Марго и сжимаю его. На нас направлен телефон одного из блогеров. Ее муж — боец без правил, в прошлом работал на Решетняка.

— Показывай, как умеешь, — цепляю подбородок Рерих пальцами. Кожа на ее щеках покрывается аппетитным румянцем. Кончик носа багровеет, но, уверен, от всепоглощающей ярости.

А я планирую засунуть свой язык ей в рот.

Мне же полагаются какие-то дивиденды за ее побег и срыв прекрасно продуманного плана?

Губы Марго мягкие, теплые и сладкие от долбаной помады. Кончиком языка слизываю жирный слой и проникаю внутрь, дотрагиваясь до ее языка. Она стоит неподвижно. Только ее прерывистое, горячее дыхание обжигает мне щеку.

Обхватываю нижнюю губу и втягиваю в рот. Ощутимо прикусываю и оттягиваю. Мой взгляд падает на ее прикрытые веки и длинные накрашенные ресницы.

И срываюсь, целуя глубоко и беспощадно, стараясь добраться языком до ее горла. Больно посасываю ее губы, пальцами сминая щеки. Она и рыпнуться не может. Ее сердце так колотится, что, если его прострелить, вся кровь брызнет ярким фонтаном.

Маленькие, крошечные кулачки стучат по спине. Ей-то я и загородил нас ото всех.

Нехуй пялиться!

— Монстр! — шипит по-змеиному. Где-то читал, что ведьмы знают этот язык.

— И снова приятно познакомиться, — улыбаюсь. Мне понравилось чувствовать, что ей больно. Все, что я с ней делал,

причиняло ей неприятные ощущения.

Все хлопают.

— Держи, — подаю ей салфетку.

Марго промокивает припухшие красные губы, и я вижу на ней следы крови. Внутри все ликует.

Свадьба заканчивается медленным танцем. Затем Рерих лениво кидает букет невесты — он достается ее полоумной сестре. Как целилась! И, не дожидаясь торта, *моя жена* исчезает в сумраке коридора.

Я снимаю с себя жилет, расстегиваю верхние пуговицы.

Смотрю Ржавой вслед и ловлю убийственное наслаждение от открывшейся картинки: Марго быстро переставляет своими ножками на высоких каблуках, ее ягодицы, спрятанные под юбку, все же облегает тканью.

Потом мысленно сворачиваю ей шею, и ее безжизненное тело падает на пол... Это было бы шикарным завершением дела. Весь бизнес Рерих переходит мне в руки.

Шах и мат!

— Плохо дело... — отец подходит бесшумно. Выглядит расстроенным.

— По-моему, все прекрасно, — потягиваюсь. Гости начинают уходить, и остаются только самые близкие.

Ян только что проводил Лику с мелкими, где Кир сопротивлялся до последнего. Орал, что он мужик. Камиль с Майей унесли спящего Лео на руках. У нас с братьями по плану было пойти в стрип-клуб, но уверен, они сольются. В отли-

чие от меня...

— Красивая эта Марго Рерих, — отец поглядывает в пустой коридор, где минутой ранее еще вышагивала Ржавая.

— Что ты хочешь сказать?

— Мои предупреждения не работают ни для одного из вас, но я попытаюсь. Раф, сын, не влюбись! Она — худшее, что есть в этом мире.

— Не беспокойся, пап. Я с тобой согласен.

— Согласен он... Если что, стреляй на поражение, сын.

Глава 9. Марго

Забегаю в номер для новобрачных и сразу в ванную, к зеркалу. Губа, которую прикусил Монстр, опухает на глазах. Ранка глубокая и до сих пор кровит.

Помада размазана.

Я не знаю, кто или что удержало меня от того, чтобы не схватить нож со стола и не вонзить его в Борзова в тот момент, когда его язык бесстыдно вылизывал мой рот — нагло, беспринципно и так пошло!

Он держал меня крепко, до ломоты в костях, и сдавливал с тягучей ненавистью. А потом в его глазах появился *тот огонек*...

И теперь, выйдя из душа, я прячу украденный нож под подушку.

Из заранее принесенных вещей достаю ночную сорочку и нижнее белье — тонкие стринги, и стоит глянуть на них, как заливаешься краской. Они еще более прозрачные, чем те, в которых меня видел Борзов в гостинице. Да они невидимые!

Кто только решил, что наш вынужденный брак даже в таких вещах должен походить на настоящий? С празднованием я еще могу понять, но обязательно ли нам притворяться мужем и женой за закрытой дверью спальни?

Это пугает не меньше, чем сам образ Борзова.

На всю комнату раздаются два пищащих звука — и дверь

открывается. Сначала в комнату вползает тяжелая, давящая аура Монстра, а следом входит и сам Раф. Он снял бабочку, расстегнул рубашку и засучил рукава. Все открытые участки тела покрывают жуткие тату.

Больной!

— Симпатичная, — зацепив взглядом сорочку, Монстр отворачивается и говорит в сторону от меня. Как сам с собой.

В своих вещах он находит зарядку для телефона и подсоединяет к сети.

В моих пальцах по-прежнему зажат клочок ткани от сорочки — такой вызывающе красный. Насколько знаю, невестам полагается белое: чистота, невинность, кротость... Только это почти не про меня.

— Дать примерить? — протягиваю и наблюдаю за реакцией.

Там, где при рождении раздавали инстинкт самосохранения, я стояла в очереди за глупостью.

Раф поднимает свои глаза, в которых плещется раздражение высшей степени. Оно вытекает, как лава, тянется ко мне, прожигая на своем коротком пути все.

— Давай договоримся. Кажется, просьбы ты понимаешь мало. Мы существуем в разных вселенных, галактиках и мирах. На людях мы счастливая пара, а дома... Скажем, соседи.

— Ты засунул язык мне в глотку, когда я просила этого не делать, — перебиваю, и это не нравится Монстру. Он к

такому не привык. Недовольно вздыхает.

Я сама говорю все это на адреналине, не растворяемый, его количество только увеличивается. Причина банальна и тупа: Борзов. Он в паре метров от меня.

— А ты съебалась со свадьбы и выставила меня в нехорошем свете. По факту, ты нарушила условие сделки между Рерихом и Борзовым. — Поднимается с кресла и делает размеренных два шага в мою сторону. Руки убирает в карманы брюк, и все мышцы, которые я различаю под слоем чернил, напрягаются. Уже знаю, что на ощупь они тверже камня.

Меня рефлекторно отбрасывает.

— Ты обещал содрать с меня шкуру, — говорю с вызовом, глядя исподлобья. Сама же вцепляюсь в сорочку так, будто мечтаю растворить ее в своем кулаке.

— Если... ты не будешь меня слушать, — говорит близко, обдавая горячим алкогольным дыханием.

Он еще и пьян!

— Поэтому и предлагаю договориться, Марго, — говорит с усилием.

Я вижу, как ему сложно идти на что-то, что напоминает компромисс. Сама такая же. Но я также помню его сильные руки, которыми Борзов без труда сможет меня задушить, и, заглушая в себе бунтарский дух, помедлив, отвечаю:

— Договориться о соседстве?

— Да. Пока длится наш договор, ты — верная жена, не создающая мне проблем. Только так я могу и вправду тебя за-

щитить, — притворно-мягко поясняет. Не будь во мне крови Рерих, поверила бы. — Если будешь лезть на рожон и показывать характер, я...

— Сам меня убьешь и свалишь на Решетняка. Говорил уже, — устало отвечаю и, не сдержавшись, закатываю глаза.

— По рукам? — вздыхает.

— И твой язык больше не будет возиться в моем рту, — добавляю, приковывая взгляд к серому ковролину. Воспоминания о том зверском поцелуе расщепляют мой язык, лишая дара речи.

— Тебе понравилось, Марго, — уверенно заявляет. — И потом, я же не девственности тебя лишил, а всего-то слегка... прикусил, — его взгляд опускается на мои губы и задерживается там на недопустимо долгие пять секунд.

Тело как в жерло вулкана опустили.

Кончиком языка прохожусь по ране и чувствую все еще яркий привкус металла. Зрачки Монстра увеличиваются и превращают его глаза в две черные бездонные воронки.

— Хорошо. Посмотрим, что из этого получится, — и отворачиваюсь.

Трясет от близости, злости, ненавистного мне подчинения и этой самой... кротости.

Надо подумать, как перевести свое оружие из дома туда, где теперь буду жить. Я так понимаю, меня перевозят куда-то к Борзовым, и я очень надеюсь, что это не крошечная комнатка два на два без возможности куда-либо выходить.

Лучше похороните меня сразу.

Ночь проходит без сна. Раф ушел практически сразу, но я не могла сомкнуть глаза до утра. Представляла, что он заваливается в номер. И все часы, пялясь в потолок, продумывала тактику защиты. Но если его убивать, то нужно это делать на расстоянии, не когда он прижимается ко мне всем телом, со своим языком в моем рту.

Платье оставляю в номере на кресле. Хранить не собираюсь. Надеваю зауженные джинсы и черную водолазку с высоким горлом. Из обуви лишь свадебные туфли. Сойдут и они.

Спускаюсь с одним небольшим чемоданчиком и сажусь в зоне ресепшена в кресло. Появился прекрасный шанс сбежать. Но я не разбираю, что со мной случилось: принятие своего положения или урок от Борзова?

Я остаюсь сидеть в ожидании своего *чертового мужа*. Он бы хоть свой номер телефона сказал.

Раф заявляется через час. Не помню, чтобы он заходил в номер переодеваться, но на нем джинсы и футболка, а не вчерашний свадебный костюм.

Не поздоровавшись, берет мой чемодан и вывозит из отеля. Я, как приложение к чемодану, а не наоборот, плетусь следом. Так же молча мы доезжаем до аэропорта, садимся в частный самолет и долетаем до городка, руководящего Борзовыми.

Ян Борзов — директор завода, самый молодой и перспективный руководитель. Поднял «на ноги» заброшенное пред-

приятие, теперь это огромный комплекс с многомиллиардными сделками.

Камиль Борзов — мэр. Бывший бандит и убийца, ныне занимается строительством соцобъектов и улучшением жизни города.

С Рафом сложнее. Он... очень похож на моего папу. Кого-то убивает, кого-то защищает. О первом знает определенный круг людей, и это не только такие же, как он. Вторые — довольно важные люди. И часто вторые в курсе первого.

К высотке в центре мы подъезжаем к закату.

— Твой дом на время нашего союза, — небрежно отбрасывает ключи на полку и включает свет.

Не брака, не сделки. Сою-у-уза! Для меня это что-то про хорошее отношение и взаимовыручку. Красивое слово. Со всем не про нас.

— А ты где будешь жить?

Прохожу дальше по коридору и останавливаюсь напротив первой комнаты. Это гостиная.

Темно. Вылитая пещера для монстра, без прикрас.

— Здесь, — отвечает с нажимом. — Я плохо привыкаю к новым местам, — добавляет чуть тише, словно делится секретом.

Хитрое чудовище!

— Жа-а-аль, — протягивая, отвечаю.

За спиной раздается тяжелый выдох. Горячее дыхание ложится на мои плечи, и мне хочется осесть против желания.

Меня окутывает облаком никотина. По дороге сюда Монстр Борзов курил, не спросив разрешения.

Громко стуча каблуками обхожу гостиную по периметру.

— А это кто? — беру в руки фотографию в позолоченной рамке. Дорогая, ручная работа, уверена.

— Не трогай, — и выхватывает из моих цепких пальцев.

Я успела разглядеть миловидную блондинку. Монстр крепко ее обнимал со спины, и... широко улыбался в камеру. Да-да. Он! Улыбался!

В груди ощущаю легкий, неприятный холодок. Смотрю на окна — они закрыты. Значит, дело не в сквозняке, а в чем-то другом.

— Что ж, за свою честь я могу не переживать, — заявляю громко и поворачиваюсь к Монстру лицом. Его серые глаза приколачивают меня к ближайшей стене точно гвоздями. — Тебе есть, с кем утолять свой, так сказать, *голод*, о котором я наслышана.

Раф пробегается взглядом по веснушкам на моих щеках и носу, заостряется на огненных волосах, завитых в крупные локоны, и низко отвечает:

— Тогда води себя тихо и кротко, — кулон на моей шее начинает гореть. Снова эти слова... — Стань незаметной, как мы решили. И мой голод тебя не коснется, Марго.

Мне нравится, как звучит мое имя его голосом. Как вылетевшая со свистом пуля из серебряного «Кольта». Чистый секс.

— Если сама, конечно, не захочешь накормить... *мужа*.

— Хрипло усмехается.

И это чистая провокация. Он как острый крючок, а я — нитка. Монстру приятно меня задевать и выуживать нервы по одному. Или это вовсе приятная ему месть за мой фарт с побегом.

— Я лучше тебя... пристрелю, — отворачиваюсь и тихо говорю, но так, чтобы этот самый муж услышал.

Глава 10. Марго

— Куда ставить, хозяйка? — Один из папиных людей тайно привез мне мой склад оружия. Ничего особенного: ножи, клинки, парапистолетов, любимый «Кольт», обязательно глушитель.

— Думаю, в спальню. Да, туда лучше всего, — пропускаю парня вперед и иду за ним следом.

Надо бы успеть разложить все по квартире, пока Монстра нет дома. Хотя я почти уверена, что в стратегических местах он установил камеры.

— Только, как и обещали, — Абраму ни слова, — просит. — Он с меня шкуру сдерет живьем.

— Не переживай. Сейчас многие бросают эту угрозу, но до дела вряд ли дойдет. Тем более ты его лучший стрелок, — хлопаю по плечу.

Парень, засмутившись, улыбается. И не скажешь, что в его силах без сожалений положить двоих одной пулей.

Я раскладываю ножи на кухне — там логичнее всего, — а пистолеты в зале и в спальне. Один под диван, другой под низтумбы для телевизора. Удивляюсь, что для холостяцкой квартиры здесь чисто и совсем нет пыли.

Взгляд примагничивается к той самой фотографии в позолоченной рамке, и я вновь ощущаю тот самый холодок.

Теперь уверена — это оттого, что та девка мне не нравит-

ся. И она совсем, ну совсем, не подходит Борзову. Точнее, будь он другим, не наемником и убийцей, они бы смотрелись вполне себе мило. Все дело в том, что на этой фотке Раф другой. Он там не Монстр, каким является на самом деле, *афальшь обыкновенная*.

Я буду долго смеяться, если выяснится, что в глазах этой белобрысой, Рафаэль Борзов — чист как слеза младенца. Ангел.

А девка... симпатичная. Признаю.

Переворачиваю фотографию вниз и иду в душ. На часах десять вечера.

Борзов не возвращается раньше двенадцати вот уже пару недель, как я переехала к нему. А уходит и семи нет.

Первое время дергалась от каждого шороха, особенно когда под дверь показывалась его тень. Спала тоже хреново. Но с каждым разом, когда я понимала, что Рафу нет до меня никакого дела, успокаивалась быстрее.

Находиться дома одной было... странно. Непривычно, волнительно. Чуждо.

Большую половину дня я читаю или смотрю турецкие сериалы, переписываюсь с сестрой. Папа отправить хочет ее в закрытый институт, чтобы ее там научили «уму-разуму», как говорит отец. Она обещает сбежать.

Я бы вышла прогуляться, но одной пока опасаясь. Люди Решетняка хитрые. А в незнакомом месте, и в случае чего, будет сложно защищаться. К Монстру с этим вопросом и

подходить не хочу.

Пройдет неделя-другая, я освоюсь и начну исследовать город самостоятельно. Пока изучаю все через интернет: городские паблики, форумы, каналы местных СМИ. Ну и лучшие заведения: кафе и места, куда должен сходить каждый. Конечно же, достаю карту города и всего района, высчитываю, по какой дороге лучше будет выбираться домой, а какой — в сторону моря... Вдруг что.

В одиннадцать часов, перекусив легким салатом, закрываюсь в спальне.

По внезапному шуму понимаю, что в квартиру входит Раф. Раньше Монстр вел себя относительно тихо, сейчас же входная дверь стучит об стенку коридора. Борзов ругается, а я натягиваю одеяло до самого подбородка. Под подушкой нащупываю «Кольт».

Его шумное дыхание можно услышать, даже если тебе выкололи барабанные перепонки.

Меня начинает бить мелкой дрожью. Если Монстр пьян? Или голоден? Боже, моя жизнь скатывается к тому, что бежать и скрыться от Решетняка проще, чем проделать похожее с Борзовым.

На кухне включается свет. Я слышу звук наполняющей кружку воды и жадные глотки. Затем шаги, и свет включается уже в ванной.

— Блядь! — что-то разбивается.

Гонимая новым чувством, отбрасываю одеяло и ступаю по

холодному полу к выходу из спальни. Свет режет глаза, когда я открываю дверь. А когда привыкаю, натыкаюсь взглядом на следы крови на полу. Где-то капли, где-то размазанные уродливые полосы. Пахнет мужским потом, ржавым металлом и горьким апельсином — мужской парфюм.

— Раф? — зову.

Надеюсь, он не станет трупом на моих глазах. Только этого еще не хватало!

Из приоткрытой ванной комнаты доносится звук льющейся воды.

— Ушла отсюда! — кричит, заметив мое приближение. Он даже не обернулся.

Его плечо глубоко рассечено. Кровь льется рекой, брызжет и не собирается прекращать. Это пуля, прошедшая по касательной, но довольно сильно. Приложенная тряпка насквозь мокрая.

Уверенно открываю дверь настежь и подхожу к Рафу так близко, как никогда не делала это сама с первого дня встречи.

Наклоняюсь к ране.

— Надо шить, — говорю ровным тоном. — Крупные вены не задеты, но простой повязкой здесь не помочь. Края рваные.

Я понимаю, как ему больно. На лбу заметные продольные складки и бисеринки пота. Его ноздри раздуваются, а губы поджаты настолько, что их просто не видно.

Просыпается что-то такое дикое внутри, первобытное. И это не про желание, а, скорее, про страх.

Молча слежу за ним. Каждый его потерянный взгляд блуждает по полкам, на которых стоят различные средства. К нему же девушка переехала!

— Ты меня слышишь? — кладу руку на плечо. Раф дергается и вколачивается в меня обезумевшим взглядом, от которого сердце останавливается.

— Пошла на хуй! — цедит через боль, но будто бы с удовольствием.

И ярость, как тысячи огненных залпов, вспыхивают в одно мгновение. Все внутри кипит от гнева и вытекает из меня с потом. Вся спина мокрая. Изо всех сил я стараюсь не показывать своего чувства, чтобы не разразилась война между нами. Убью же, а этот демон поклялся меня защитить.

— Если не зашить, то будет воспаление. Кровь не остановится, ты будешь слабеть с каждой минутой. Боль будет усиливаться. Могу сказать, что ты умрешь, но, к моему сожалению, нет.

Монстр вяло посмеивается.

— Тебе нужен швейный набор? — пытается язвить и тут же зажимуривается. Возможно, это не одно его ранение, и есть другие, менее травмированные.

Из открытой раны порцией вытекает кровь. Она стекает на пол по руке большими каплями. А там белый, довольно симпатичный ковер. Теперь пойдет на выброс. Въедливую

кровь не смыть ничем.

— Есть розовые нитки? — прищуриваюсь.

Ухожу в зал и раскрываю один ящик комода за другим. Это возможно, чтобы у парня двадцати пяти лет лежал швейный набор?

Но да. Такой имеется. Несколько тонких иголок, черные и белые нитки. Даже пару булавок нахожу.

Возвращаюсь в ванную и обнаруживаю Рафа, склонившегося над раковиной. Он выглядит бледнее фаянса.

Быстро обрабатываю рану, обеззараживая руки.

— В аптечке есть «заморозка», — отворачивается.

Мне не удастся скрыть своей улыбки. Великий и ужасный Монстр Раф боится зашивать раны? Шутки в голове сыплются одна за другой. Но человечность во мне берет верх, и я роюсь в металлическом боксе в поиске так называемой «заморозки».

Когда делаю первый прокол, Борзов шумно втягивает в себя весь воздух в комнате. Широкая ладонь Монстра ложится на мое бедро и ягодицу. Ощутимо сжимает. Кожа его ладони холодная, и холод впитывается в меня до самой косточки.

Открываю рот, чтобы возразить его действиям, и застаю Рафа с закрытыми глазами. Он... не понимает, что только что сделал.

Один прокол, второй. Пациент облизывает сухие губы. Его дыхание задевает половину моего лица, плеча и грудь.

Ткань шелкового халатика истлевает, и я чувствую себя будто голой.

Крови, вытекающей из раны (я почти ее зашила), становится меньше. Вышло даже что-то сносное, и я бы сказала, симпатичное. Моя первая работа. Хоть фотографируй и в рамочку ставь. Ну, вместо той фотографии со смазливой блондинкой.

— Не спросишь, откуда я такой? — более бодрым голосом спрашивает.

Его рука продолжает оставаться на моем бедре и не думает уходить.

— Неинтересно.

Очень интересно. Но любопытство в нашем мире губит. Убивает, если быть точной.

— Я закончила. Но лучше заехать в больницу.

— Зашивала раньше? — осматривает рану с черными нитками.

— Нет. Ты мой первый, — сказав, густо краснею.

Вздрагиваю, когда рука от бедра двигается по направлению к ягодицам.

— Приятно, — жгучим (и совсем здоровым) взглядом тянется по моему лицу.

Жар охватывает грудную клетку. Борзов близко. Его губы, широкие плечи, кубики, татуировки... Все можно рассмотреть до мельчайших подробностей. И запах. Спирт, кровь, мужской одеколон, пот... Громко сглатываю, чувствуя

неутолимую жажду.

И вновь та блондинка перед глазами повисает бельмом. Ненависть к ней копится, глухая и странная. Хотя я даже имени девчонки не знаю.

Кладу ладонь на шероховатую щеку Борзова. Большим пальцем касаюсь уголка губ. Все нежно, аккуратно, без любви.

Ехидно улыбаюсь. Пусть не думает, что смутил. Пусть не рассчитывает на что-то большое.

— После дела я всегда голодный, — жадно лапает мою задницу и носом утыкается в мою грудь.

Все заходит слишком далеко. Его касания и нетерпеливые ласки не отталкивают, но все же вызывают боязненные спазмы в животе.

— Сколько раз говорить, сиди тихо, Марго. — Его губы впиваются в мои, он буквально всасывает их, и чужой язык снова касается моего. Я подыхаю от смеси запахов и вкусов.

Кладу ладонь на его зашитую рану — и со всей дури вцепляюсь, сжимаю, вдавливаю пальцы. Под ногтями хлупает, по руке течет теплая, свежая кровь.

— С-с-с-сука! — Шипение разрезает тишину.

Я отскакиваю к двери, жадно глотая воздух. Смотрю в упор на разъяренного, раненого зверя. Он голодный...

— Могу пожарить картошки, — запахиваю халат, из-под которого уже видна та самая красная сорочка. И грудь.

Борзов и правда смотрит голодно, сжирая мое тело и не

оставляя ни кусочка. Я бы решила, что он вдрызг пьян, но что-то, а запаха алкоголя нет. Раф трезв, как стеклышко. Правда, ранение ударило по его мозгу. Ну не мог же он перепутать меня с... *той?*

— Пожарь, — приказывает.

Встает и, слегка задев меня локтем, уходит в спальню. *Мою спальню.*

Глава 11. Марго

Я ни разу в жизни не чистила картошку и уж, конечно, не жарила. Предлагая это, была полна уверенности, что Борзов откажется. Посчитает все за шутку (а это и было шуткой) и уйдет. Желательно из квартиры.

Но идти в отказную или признаваться, что чистить и жарить картошку не умею, — выше меня. Я в состоянии попасть в центр мишени с расстояния тридцати метров. Дважды! В одну и ту же точку. А тут... еда, голодный мужик, ночь.

Справляюсь быстро. Ничего сложного. Легче, чем разобрать и собрать пистолет.

Раф появляется в дверях кухни в одних серых спортивных штанах с низкой посадкой. Из-под резинки виднеются большие буквы названия бренда его боксеров. Какая показушность, Монстр!

— Пахнет сносно, — говорит *стенеи*, отодвинув стул со скрипом, садится, широко расставив ноги.

Захотелось тут же высыпать ему картошку на голову. Влажная после мытья челка спадает на глаза. Так он выглядит отпетым хулиганом, на счету у которого миллионы разбитых девичьих сердец. Бедняжки...

Накладываю картошку в большую тарелку. Раф смотрит на нее с подозрением.

— А себе?

Улыбаюсь с ехидством.

Он боится, что я его отравлю? Какая прелесть!

— Я не ем жареное на ночь, особенно крахмалосодержащие продукты, — отвечаю ровно, словно меня не задели его слова про мою сносную еду.

Из вежливости мог бы промолчать. Я ему не кухарка, да и жена временная.

Борзов долгую минуту изучает положенный ему ужин. Вскидывает чернящие глаза, словно в них влили нефть высшего качества. Дышу с задержкой. А потом он берет вилку, накалывает несколько долек и уверенно отправляет в рот.

После того как кровь остановилась, Монстр вновь представляет для меня опасность. В нем вскрылся резервуар с силами, и кухня заполнилась той самой властной аурой.

Нервно подергиваю ногой. Губы горят после внезапного поцелуя в ванной, а на языке несмываемый вкус крови. Его. Будто бы совсем не противно.

— Рана от клинка. Моя ошибка, не успел увернуться, — прожевав, говорит.

Взгляд, полный молчаливого ожидания, вбивается в мой ровно тот самый клинок.

— Мы с парнями твоего отца ездили в качестве охраны одного... бизнесмена. Не зря он нанял нас, — и снова смотрит, как силы выталкивает. Долго, пытливо.

Затем прищуривается и довольно облизывается. Может,

зря я картошку не отравила? Вон как уплетает.

— Кофе свари, — отдает четкий приказ.

От глубокого дыхания в груди покалывание. Халат снова расползается в стороны.

Нахал!

Поворачиваюсь спиной и тянусь к полке с кофе. Достая пакет и засыпаю зерна в кофемашину. На всю кухню раздаётся громкий звук перемалывания не только проклятых зерен, но и моего терпения, словно те — сухие орешки. Монстр смотрит пристально, я чувствую себя без одежды... без кожи.

— Твой отец часто приходил после дела резаным? — спрашивает, стоило машине затихнуть.

Молчу и не отвожу прямого взгляда с Борзова.

— Не думал, что выйдешь на помощь, — ведет бровями, уверенный в том, что его откровения заставят меня раскрыться перед ним. Хитрый лис. — А ты еще и палец в свежую рану воткнула. Не постеснялась.

Скрещиваю руки на груди под протяжный выдох Монстра. Недоволен чем-то?... Его взгляд падает на мои ноги. Бедра под халатом открылись для обозрения, а одергивать ткань и запахивать плотнее — глупо. Не хочу, чтобы Борзов вконец решил, что я глупа и по-детски наивна.

Отставив недопитую чашку с кофе на столе, Монстр поднимается на ноги. Я рефлекторно цепляюсь руками за столешницу позади. Живот прошивается испугом насквозь. Са-

ма вытягиваюсь струной и будто бы становлюсь на пару сантиметров выше.

Раф подходит вплотную. Накрывает меня одеялом из своего запаха и тела. При каждом вдохе бьюсь грудью о его широкую грудную клетку. Литые мышцы, покрытые различными рисунками, внушают первобытный ужас, и... интерес.

Я никогда не видела такого расписного тела. Сколько же у него времени ушло, чтобы забить себя целиком? Да и боль эта нестерпимая.

— У тебя есть? — спрашивает бархатистым голосом. Мои глаза на полпути к тому, чтобы закатиться от удовольствия.

— Что? — спрашиваю, когда ответ ясен нам обоим.

Хочу отвернуться. Его взгляд ощутим. Пульс ускоряется, как бы я ни пыталась успокоить взволновавшееся сердце.

— Есть, — довольно смело кладу ладонь на его грудь. Затем пальцем поочередности очерчиваю рисунки, чувствуя, но не видя, мурашки на его коже. Из-за татуировок я не могу понять ее оттенки.

Выходит какой-то вынужденный флирт на грани соблазнения. Мысль, что это может быть неплохой рычаг для контроля Борзова, цепляется в голове довольно быстро и основательно.

Сколько женщин в истории поступало так же и имели в этом деле успех? Я точно не хуже них, если получится справиться со страхом, все еще присутствующим в моем теле, когда Монстр в поле зрения.

— Где? — бегло проходится по плечам и ныряет взглядом ниже, под пупок.

Халат магическим образом подчиняется воле Монстра и медленно, но уверенно спадает. Ткань держится на мне только благодаря поясу.

Ощущение неправильности происходящего тревожит изнутри. Но я стою как приколоченная. Будто перестала контролировать разумом свое тело и свои реакции. Не убежать, не скрыться.

— Тебе не позволено смотреть туда, — отвечаю шепотом и закусываю нижнюю губу.

— Мне позволено все, *Ржавая*, — грубо хватает за запястья, смыкая пальцы стальными браслетами. Хватка мертвая, не вырваться. И только он знает, что будет дальше.

Ярость обуревает такой силы, что кислорода в помещении не хватает. В глазах стоит красный непроглядный туман. *Я в бешенстве. Ржавая? Серьезно?!*

Кручу головой в разные стороны. Дергаю руки в бесполезной попытке высвободиться. Стучу ногами по полу под дикий смех Монстра..

Ему на самом деле забавно наблюдать за мной, изучать реакции, проверять...

Запястья заколочены железной хваткой его пальцев. Мне одновременно не нравится это состояние пленницы и рабыни, но жажда в глазах Монстра придает уверенности в себе и своих силах: я ему нравлюсь. Тело мое нравится.

Одним движением он берет мою талию и сажает на столешницу, вклинившись между бедер. Ахнуть не успеваю.

Халат висит дешевой тряпкой. На мне снова только... стринги. За резинкой прячется небольшая татуировка.

— Так где она? — не унимается.

Вскидываю подбородок.

Мне кажется, я бы смогла подчинить себе этого Монстра.

— Там? — касается лобка своей огромной, горячей ладонью. Пальцы утопают в складках, и никакая тонюсенькая сетка стрингов не преграждает им путь. Скользит ими вперед и назад.

Втягиваю носом воздух и поджимаю губы.

Это... шквал ощущений.

— Значит, там.

На его лице играет победоносная улыбка. Тоже мне, победитель! В глазах тьма, в которой тонешь. Я вижу свое отражение, как в глади самого глубокого и опасного озера. На дне кишат опасные чудовища, готовые поглотить в любой момент.

Раф ловко поддевает резинку моих трусов и стягивает их по ногам. Отходит и любит меня. Телом, то есть. Мои ноги чуть разведены в стороны.

А когда взгляд падает на лобок, где сверху выбито сердечко, довольно усмехается. Пальцами, влажными после касаний моей промежности, проводит по своим губам.

— И почему именно там? — смотрит прямо туда!

— Не помню, чтобы между нами был уговор о таких вояпросах и таких действиях, Раф Борзов, — шиплю с гневом.

Я ловлю восторг от его наслаждения в глазах, но и чувствую себя не в своей тарелке. Не каждый день мужчина смотрит между твоих ног и слизывает со своих пальцев твою влагу. И да, она имеется...

— Пожалуйся, — отвечает просто. — Дорогой папочка, мой муж снял с меня трусы... — пародирует.

Садится на стул, вновь расставляет широко ноги, и кружит взглядом по моему телу.

Он прав, это последнее, что я расскажу отцу. Маме? У нас не такие доверительные отношения. Да и после красной открытой сорочки для брачной ночи обращаться с подобной проблемой странно.

Очередная ловушка.

— Пошел к черту, Раф Борзов! Пусть тебя гиены сожрут в аду! Насмотрелся? — упирает руки в бока.

Этот дьявол во плоти заразительно смеется.

— Только тебе это и светит — смотреть. И истекать слюной! — восклицаю так громко, что режет уши. В глазах собираются слезы. Скорее потому что "в глазах Борзова отражается скука. Я снова будто неинтересна ему, и это... злит.

Топаю ногой, запахиваю халат и убегаю в спальню. На двери нет замка, я, как самая находчивая во вселенной, подставляю стул. Наутро мои стринги демонстративно висят на руч-

ке двери.

Ненавижу! Проклятый Монстр.

Глава 12. Марго

Звонок в дверь в двенадцать дня меняет мои планы продолжать поиски в интернете «*Кто же такой Раф Борзов?*». Если покопаться глубже, всплывает больше информации. Ну и Мари всегда на связи. Она-то мастер найти даже то, что было стерто с лица земли в допотопную эру.

— Доставка, — курьер заносит в коридор несколько пакетов, и... оранжевый чемодан.

Ни слова не говоря, уходит, ныряет в кабину лифта и исчезает, точно его и не было.

Я не успела выкрикнуть, что ничего не заказывала. А потом вспомнила, что у меня есть сожитель — муж. Не появляющийся ровно трое суток. Вот тебе и не любитель ночевать вне дома, где стены чужие и кровать холодная.

Вранье! Не хочется думать о белобрысой, но мысли крутятся вокруг нее волчком.

Раскрыв пакеты, вижу женские вещи. Новые. Там бирки, ценник... приличный.

Присвистнув, достаю оттуда все, что куплено: трикотажное платье, джинсы, классические брюки, жакет, кардиган нежно-сливового оттенка. В другом — нижнее белье, в третьем — две пары обуви: легкие кеды и туфли на высоком каблуке. В них я буду ростом с Эверест. Вся одежда идеально сидит по размеру.

Телефон оживает входящим сообщением: «*Через час будь готова. Мы выезжаем*». Абонент «Монстр».

Выезжаем... Куда? Зачем? И по какому праву мне ехать с ним?...

Расхаживаю по всей гостиной и кусаю ногти. Все это тянет на какое-то очередное представление. От неизвестности сводит живот, и просыпается что-то вроде голода, когда есть совсем не хочется. Не подумаю спрашивать обо всем Борзова. Этот зверь почувствует мой страх и будет лакомиться им, пока я в полном замешательстве.

Я могу завредничать, но Монстр в таком случае лично закинет вещи в чемодан и увезет меня против воли в том, в чем сейчас нахожусь: обычная футболка, едва прикрывающая ягодицы.

Выбираю джинсы и кардиган, от остальной одежды отрезаю бирки и бережно укладываю их на дно чемодана. Туда же белье, косметику, и... пистолет, конечно же. На ноги надеваю кеды, а туфли, вытащив из коробки, перекладываю в чемодан.

Борзов появляется в дверях ровно в обозначенное время. Киллеры четкие, как часы.

— Удивлен, — бросает на меня молниеносный взгляд и утыкается в свой телефон.

Я рассчитывала на маленький комплимент. Как-никак, на мне новая стильная одежда. Та словно сшита по моим меркам.

— Я тоже, — и первой выхожу из квартиры.

За спиной слышу тихое ворчание. Я просто проехала ножками чемодана по его ногам.

Машину Борзова узнаю сразу. Представляла ее только бронированной черной машиной с тонированными стеклами. А на деле это обычный темно-серый седан. Внешне скучный, но начинка, уверена, приведет в восторг любого.

— Ждешь, что я открою тебе дверь? — быстро говорит на ухо и обходит. За разглядыванием машины не заметила, как ко мне вплотную подошел Монстр, обдавая меня ароматом своего парфюма.

— Это было бы вежливо и галантно с твоей стороны, но ты, скорее, отрежешь себе руку, чем откроешь для меня дверь, — кричу.

Надо быть сдержаннее, но его повадки, слова, поведение... С первой секундой это как погрузиться в эпицентр злого шторма. Страшно, опасно и уже не выплыть. Ты закрыта со всех сторон. Но в этой силе есть что-то манящее, почти неукротимое...

— Скорее, ты мне ее откусишь.

Подхожу к двери, когда Раф стоит у своей водительской. Мы смотрим друг на друга поверх отполированной крыши.

— Не имею привычки совать в рот что ни попадя, — отвечаю и краснею. Прозвучало двояко, хотя я говорила без всякого подтекста. Ну не могу я оставить его «бросок» без ответа.

Раф точно проходится взглядом по моему лицу, отчего я чувствую себя как на операционном столе с ярко направленным в глаза светом.

— Твой язык явно нуждается в хорошем уроке.

И на этот раз Борзов не ждет моей колкости, а открывает дверь и садится. Я тихо бью ладонью по крыше. Сложно принять, когда он поставил точку. И продолжает это делать с завидным успехом еще со дня свадьбы.

В машине приятно, но ненавязчиво пахнет. Кожа сидений мягкая, и хочется откинуться, прикрыть глаза. Уверена, что путь неблизкий.

— Документы, — протягивает. Я пугаюсь от резкого движения.

— Какие еще документы?

Уточнить он не считает нужным.

— Рыжова Маргарита Валентиновна... Что это такое? — хмурюсь. Вот-вот отброшу всю эту липу.

— Это ты. На время. Мы едем в один город, где на выходные приезжает отдохнуть тот, кто мне нужен. Оставить тебя я не мог, сама понимаешь, придется идти на дело со мной.

— Даже не знаю, это такая проверка моей тебе преданности или наоборот, ты настолько мне не доверяешь, что предпочитаешь следить за мной лично.

— И то, и другое. Я вообще тебе не верю, Ржавая, — посмеивается и касается моего колена, отодвигая его от коробки передач.

Я вновь оказываюсь в школе, где меня дразнят за мои волосы. В детстве они были светлее и ярче. И правда ржавые. Мне было чертовски обидно.

А сейчас меня отравляет не обида, а дикая ярость. Даже дорога перед глазами мутнеет и покрывается тонкой пеленой.

Раф, ненадолго отвлекаясь, цепляет прядь моих волос. Я ловлю его взгляд, в котором смесь удовольствия и интереса. И вспоминаю, как именно он смотрел на мою крошечную татуировку. Слюной исходился!

Ржавая... Уверена, я такая у него одна. Первая и последняя.

Путь до неизвестного мне города занимает больше трех часов. Мы приезжаем к закату. Борзов паркуется возле большого комплекса, где над главным зданием горит вывеска «Отель Ривьера».

— Почти что свадебное путешествие, — говорю вслух и прикусываю язык.

В начале пути успела отправить сообщение Мари о планах. Так, пара слов. «Свадебное путешествие» — ее версия, и сестра слезно умоляла... попытаться сбежать.

Дура. Вот она точно ржавая. Все ее шестеренки в голове проржавели!

Раф не позволит мне сделать это во второй раз, и его предупреждение замаскировать мое убийство под Решетняка ни капельки не шуточки.

— Именно. Мы молодожены, решившие провести выходные вдвоем, вдали от городской суеты. Это наша легенда, — уточняет, будто я не читала файлы.

Глядя на Рафа, закатываю глаза. Мышцы сводит, по вискам стреляет болью. Я не хочу во все это играть, но по-другому будто не получается. Повзрослевшая Марго сидит внутри и ждет своей очереди, когда рот ей затыкает та самая Ржавая.

Борзов забирает мой новенький чемодан из багажника, достает свой черный, металлический. В таком обычно деньги перевозят, только у этого телескопическая ручка имеется. Скучно до зубного скрежета.

До ресепшена идем молча. *Совсем молча.* И останавливаемся у стойки, улыбнувшись опрятной девушке в бордовой форме. Ладно, улыбнулась я, а Монстр стоял со своей каменной маской на лице, будто все ему должны.

Протягиваем паспорта и переглядываемся.

Если честно, я еще никогда не была на задании с поддельными документами. Папа не допускал. Он обучал, многое рассказывал, наставлял, но моя жизнь ограничивалась привычными точками для жизни девушки моего возраста.

И вот... Рыжова Маргарита Валентиновна. Уверена, это будут незабываемые выходные.

— Ваш номер для новобрачных. Широкая двуспальная кровать, отдельная ванная комната со всем необходимым, мини-бар. На цокольном этаже спортивный зал, сауна и СПА-салон. Ресторан по коридору и направо. Хорошего от-

дыха, — заученно говорит девица в бордовом.

Что значит широкая двуспальная кровать?!

Поджав губы, поворачиваюсь к Монстру. Закипаю от зло-сти и невозможности высказать ему все прямо здесь. А он... подмигивает, подхватывает чемоданы и идет к лифтам.

Глава 13. Марго

— Наш объект — вот тот мужик. С ним еще белобрыся сидит, — не смотря в сторону «объекта», объясняет Раф.

Белобрыся у тебя, Монстр. А здесь золотистый блонд. Я бы хотела себе такой оттенок. Может, меня бы и перестали звать ржавой.

— И чем он занимается? Поставка оружия? Нелегальный ввоз запрещенных веществ? Контрабанда?...

— Ты меня пугаешь, Рерих, — говорит серьезно. Мне это льстит. Сразу хочется расправить волосы и рассказать о своем любимом оружии.

Его плечо случайно касается моего. Мы сидим за барной стойкой в ожидании столика, а стулья расположены очень близко. Ну и Борзов не маленький.

— И почему за ним надо следить? Вряд ли он на каждом углу будет трепаться о своей, так скажем, работе, — наклоняюсь, чтобы прошептать, а сделав судорожный вдох, чувствую апельсиновую горчинку и сладость мускуса. Этот аромат призван сводить с ума. К сожалению.

Тянусь к бокалу с водой, в которой плавают два огуречных слайса. Бармен сказал, что это освежает. То, что нужно. Наши с Рафом взгляды, встретившись, вызывают жар за ребрами. Этот огонь нужно скорее погасить. Еще и татуировка внизу живота печет, как будто ее набили пару часов назад.

— В такой обстановке человек расслабляется и выдает свои привычки, что по трезвости старается прятать, не говоря уже о каких-то деталях вроде предпочтений в еде, режиме дня, количестве выпитого спиртного. Просто наблюдай.

Нас зовут за освободившийся столик, по соседству с тем мужчиной. Имя его — Калач Константин Львович. Ему за сорок, и внешне он обычный. Только взгляд скользкий и неприятный. Я поймала на себе его интерес, подходя к столу. Хорошо, что Раф посадил меня к Калачу спиной.

Надеюсь, что конечная цель Борзова — прикончить этого старикашку.

— Ты напряжена, — ладонь Рафа накрывает мою. Дергаюсь. Скорее, от неожиданности и обжигающего тепла. Его рука словно держала солнце, только без ожогов. Борзов смотрит предупреждающе и медленно качает головой — нельзя. Точно — муж и жена, медовый месяц и прочая романтическая лабуда.

Интерес к делу сменяется взволнованностью.

— Вино, пожалуйста. Красное? — Раф обращается ко мне с многообещающей улыбкой и оборачивается к застывшему в ожидании официанту, готовому принять заказ. — Два фирменных салата, перепелку с овощами-гриль для моей любимой жены, а мне — стейк. С кровью.

Искусственно улыбаюсь и веду плечом. Калач явно не сводит с меня глаз. Бесстыжий ублюдок. Рядом с ним красивая женщина, а он внаглую пялится на мою открытую спи-

ну. Каждый позвонок прокручивается от навязчивого внимания.

Не хочу думать, что Борзов специально купил для меня это платье, чтобы я надела его в ресторан и Калач заметил меня.

Раф наклоняется ко мне и кладет вторую свободную руку позади на спинку стула. За слоем татуировок на его шее вижу дергающийся кадык. Да, не сказать, что Монстр спокоен.

— Поцелуй меня, — просит в приказном тоне.

Бьет взглядом, тем самым вспахивает во мне злость точно лопатой. Снова говорит, как отрезает.

— З-зачем? У нас уговор, — облизываюсь и говорю в губы. Они у него расслаблены и соблазнительно изогнуты в ухмылке а-ля Монстр Борзов. Когда манит и гневит своей манкостью. Еще не хватало начать испытывать симпатию к этому самому мужу.

— Мы счастливые молодожены, забыла?

— Больше — я и не знала, — говорю тесно к его губам. Уже чувствую их на своих. Звонко сглатываю. Проклятая туалетная вода Борзова точно имеет в своем составе какие-то компоненты, влияющие на нервную систему и работу мозга.

— Самое время узнать, и... запомнить, Ржавая.

И накрывает своим ртом мои губы. Ну хоть не пришлось делать это первой и по приказу.

Мои глаза распахиваются шире от такого напора и нахаль-

ства, от ощущения его языка, снова коснувшегося моей глотки. Но, как ни странно, сам поцелуй получается... нежным.

Его большой палец касается моей щеки и поглаживает скулу. По мне прокатывается волна дрожи, веки сами собой закрываются, и вкуса на моем языке становится больше. Каждая его ласка запускает по мне удар тока. Приятного, колючего, освобождающего что-то дикое.

Ладонью касаюсь его шершавой от вечерней щетины щеки. Мой язык проходится по его совсем без стеснения, и мычание срывается с губ с вибрацией. Блин, мое постыдное мычание, кричащее об удовольствии?!

Позади слышится громкое покашливание, и мы с чмокающим звуком отстраняемся друг от друга. По мне прошелся ураган, выгоняя все чувства наружу. Мне кажется, даже прическа испортилась, а макияж поплыл. Все лицо горит от смущения и желания продолжить. Это как вкусить конфету,— и тут же отдать этот самый кусочек, прямо изо рта! Неслышанное варварство. Но я же слежу за фигурой...

— Дико извиняемся, — слышу голос Рафа, но он будто не принадлежит ему.

Мои глаза прикрыты, я боюсь встретиться взглядом с Борзовым. Наверняка там горит неоновая вывеска: «Марго Рерих-таки поцеловала Рафа Борзова, еще и похотливо замычала от удовольствия». Позо-о-ор!

— У нас медовый месяц, — продолжает Раф.

Он нежно поглаживает мое плечо. До мурашек. Если так

будет продолжаться, я правда отрублю ему руку.

Слегка поворачиваю голову и встречаюсь со взглядом Калача. Внутренности прошиваются холодом, как иглой. Определенно неприятный человек. Хоть бы Раф его замочил.

— Понимаю, — кивает. — Мы с вами не могли где-то встречаться? — обращается ко мне.

Моя рука, оказавшаяся сверху руки Борзова, сжимает ту. Не знаю, от страха, волнения или ища способ поддержки.

Мотаю головой, пока образ мужчины не растворяется перед глазами с помехами.

— Лицо у вас знакомое. Вы модель?

Прищуриваюсь и вскидываю взгляд на Борзова. Эту часть легенды мы не обговаривали.

— Нет. Никогда не интересовалась модельной сферой, — отвечаю с улыбкой, театрально покачивая головой.

— Константин, — встает из-за стола и, обойдя, представляется. — Моя спутница Елена.

— Рафаэль, — Борзов крепко пожимает руку Калачу. Со стороны это выглядело даже радушно. — Моя жена — Маргарита.

— Давно приехали? — поглядывает то на меня, то на... мужа. Боже, как непривычно.

На колено опускается тяжелая ладонь Борзова. На мое *го-*лое колено. Платье чуть задралось. Я понимаю, что нужно играть любовь и счастье, улыбаться и смотреть на Борзова с обожанием. Но мне чертовски сложно.

Его пальцы кружат по острому колену, задевая бедро и выводя табун мурашек на выгул.

— Только заселились. А вы?

— Приехали утром. Завтра обязательно посетите местное стрельбище.

Мои глаза вот-вот вылезут из орбит. Напрягаюсь всем телом, и Раф это чувствует, поэтому его взгляд ощутимо опускается на мою шею, затем губы и только потом достает до глаз.

В его глазах тоже витает что-то нехорошее, но внутренние ощущения другие. Монстра хочется... провоцировать.

Ну не дура ли?

— Адреналина столько! — продолжает Калач. — И прогулка по лесу, конечно же. Там есть разные тропы. Можете просто прогуляться, а можете забрести в самую чащу. Лес дремучий, опасный. Ну, так написано на приветственной вывеске на входе. Голову даю на отсечение — это очередная чушь, чтобы пощекотать нервишки, а так там на каждом дубе камеры, — подмигивает и хрипло посмеивается.

— Благодарим. Завтра обязательно пройдемся до стрельбища и леса.

Повисает молчание.

— Что ж, приятного вечера. Рафаэль, Маргарита, — наклоняет голову и, подав знак своей спутнице, уходит.

Когда они скрылись за ресепшеном ресторана, четко понимаю, что дышала еле-еле, вполсилы. От первого правиль-

ного вдоха перед глазами разбегаются мушки.

И чего я так испугалась?! Боже, да потому то это не последняя наша встреча! Калач — нехороший человек, от которого стоит держаться подальше.

— Для начала неплохо, — Раф возвращается со своим голосом и манерой общения. Мне требуется долгая минута, чтобы понять — Борзов говорит о задании.

— Надеюсь, больше целоваться не придется, — демонстративно подергиваюсь

Борзов радостно хмыкает. Между нами тоже какая-то игра.

— Ну, придется или нет — решать мне, Рерих. А пока ешь свою перепелку, и я провожу тебя до номера.

— А ты? — вырывается до того, как я подумала, как вопрос может прозвучать.

— А у меня дела. И лучше тебе быть в номере, когда вернусь.

Борзов смотрит с упреком. Как... на ребенка. Нашкодившего, шаловливого ребенка. Мне не нравится этот взгляд. Он не соотносится с моими планами заставить Борзова плясать под мою дудку.

— Дверь можешь закрыть, у меня все равно есть карточка, — продолжает между делом.

Сказанные слова заставляют дыхание остановиться. Я уже слышу и чувствую, как пищит, открываясь, дверь, как тяжелое тело ложится рядом и рука накрывает мою грудь, мешая

дышать.

— Надеюсь, ты заблудишься и не вернешься, — отпиваю вино из бокала. — Обещаю сыграть первоклассную вдову.

— Ты будешь первая, за кем я приду. А теперь марш спать. У нас завтра стрельбище и лесная тропа.

Ох, сначала надо пережить широкую двуспальную кровать...

Поднимаюсь и, не глядя на своего мучителя, ухожу. Но хлесткий удар тяжелой ладонью приходится по правой ягодице. А следом вымученное: «бля-а-адь». Моя задница горит от удара, когда Монстр испускает стон удовольствия. Ненормальный мужлан!

— Пусть только попробует переступить порог номера...
— бурчу под нос.

Глава 14. Марго

Зайдя в номер, сбрасываю туфли. С высотой каблука Борзов перестарался, или кто-то другой оформлял заказ в магазине?

По икрам перекачивается покалывающее чувство. В стопах тяжесть, хоть вой.

Из-за выпитого бокала вина в голове собирается туман, и дико клонит в сон. Да и дальняя дорога со странным ужином накладывают отпечаток. Одно знакомство с Калачом как полжизни отняло.

В ванной комнате сбрасываю с себя платье, смываю косметику и принимаю быстрый душ. Замотавшись в махровое полотенце, выхожу и натываюсь взглядом на открытый чемодан, из которого виднеется раскрытый пакет с нижним бельем.

Не помню, чтобы оставляла все в таком виде...

Прижимаю полотенце теснее к груди и проклиная работников отеля, что зажали полотенце нормального размера. Это чуть прикрывает бедра.

Подхожу к чемодану и, как в фильмах, смотрю по сторонам в поиске того, кто бы мог вытащить мое белье. Руки тянутся к кружевному лифчику с косточками и из того же комплекта бразилиано.

Я больше люблю стринги, но эта модель вполне себе ни-

чего. На лейбле красуется название дорогушей марки нижнего белья. В городе Борзовых такое не купишь. Это заказ... из столицы.

Почему-то хочется думать, что это делалось не для галочки, а чтобы сделать мне приятное. Ох, Марго... Будь здесь Мари — она бы вкрутила мои мозги обратно.

Просто Монстр же дважды видел мои трусы и сделал какие-то выводы. То есть: кружево, сеточка, нежный орнамент и все такое. Да и с размером угадал, как на меня шили.

Надев лишь трусы, сверху накидываю короткую шелковую сорочку и отправляюсь в кровать. Простыни прохладные, и на коже выступают мурашки. Одеяло зазывно хрустит.

Выключаю свет и укладываю голову на подушку. Завтра и впрямь тяжелый день. Не переживу позора, если на стрельбище промажу из-за того, что не выспалась.

Под тяжестью век, прикрываю глаза и, кажется, засыпаю. Сквозь дрему слышу тихие шаги мужских ботинок по ковролину. В нос настырно забивается знакомый мужской аромат, который даже во сне вызывает обильное слюноотделение.

Поворачиваюсь на другой, бок, и... похныкиваю.

Нужно было дожидаться, чтобы хмель полностью выветрился из моей головы. Вместо этого погружаюсь в пограничное состояние, когда все, что вижу, слышу и чувствую — словно не со мной. В реальность вернуться сложно. Будто меня кто-то крепко удерживает.

Матрас подо мной проминается, и я... чуть приоткрываю

веки.

— Я переступил порог номера, Марго, — говорит надо мной, уперев руки по обе стороны от моей головы. Его тон вызывающе тверд.

От Монстра пахнет отельным гелем для душа. Дешевым. Ничего особенного, запах типичный и скучный. Но почему-то его хочется вдыхать. Он странным образом будоражит меня, и я... блаженно улыбаюсь.

Мне все снится. Будь это правдой, я бы давным-давно сжимала рукоятку своего пистолета, который предусмотрительно положила под подушку. Но его нет, как и того, что мои руки свободно обвивают сильную шею Рафа.

— Молчишь? — Кончик его языка трогает нижнюю губу. Это действие меня завораживает.

— Это все равно сон. Я ни за что не поверю, что в такой критический момент ты еще дышишь, — резко вдыхаю, когда Борзов приподнимается.

Раньше не замечала, что черты лица Монстра слишком правильные для такого ужасного мужчины. Их хочется обводить по контуру раз за разом, пока не надоест.

Сердце ворочается в груди, выплескивая порции горячей крови по венам. Каждое сокращение — извращенный спазм.

— Я бы давно тебя убила, если бы ты оказался ко мне так близко, как сейчас.

— В прошлый раз на кухне я остался жив, Рерих. И не просто дышал, а дышал часто. Возбужденно. Но ты и так зна-

ешь, Ржавая. Так что твой язык работает фальшиво. Слишком. И много, — наклоняется и шепчет каждое слово с ленивой хрипотцой.

В носу запах мятной пасты, а пары алкоголя моментально проникают в сознание, одаривая новой дозой туманной иллюзии.

Губы сохнут. Вспоминаю тот вечер на кухне после ранения Борзова и его взгляд мне между ног.

Раф, сохраняя вес на одной руке, проводит второй по моей шее. Обхватывает ту, точно собирается придушить меня на месте, и, слегка сжав, опускается к груди и стискивает.

Напряженные губы Монстра продолжают казаться мне идеальными и соблазнительными.

Приоткрываю рот, и в него по-хозяйски врывается язык Борзова. Раф не целует, он облизывает внутреннюю сторону нижней губы и касается моего языка, давит на него, затыкая мой рот в прямом смысле. Останавливается. Я широко распахиваю глаза и впиваюсь ногтями в его шею. Царапаюсь. Зубы Рафа вгрызаются в мою губу.

В груди становится тесно. Там ярость на действия Борзова и жжение, впускающее теплое удовольствие внизу живота. От этих ощущений — совсем-совсем незнакомых — хочется мычать и наслаждаться ими.

Когда мой поплывший взгляд встречается с его, волна дрожи прошивает насквозь мощной волной. Пальчики на ногах поджимаются, я перестаю чувствовать что-либо, кроме

пожара между ног.

Дьявол...

Вот это сон.

Раф медленно и осторожно ведет рукой по ребрам, пересчитывая те пальцами, и касается края сорочки. Скользит пальцами по контуру кружевной ленты, ткань задралась, и я вновь перед Монстром в одних трусах, пусть и купил на этот раз их он.

— Страшно? — обдает мятно-алкогольным дыханием и скалится лютым зверем.

Мне должно быть страшно. Если я не кивну, он разорвет меня, как и предупреждала драгоценная Мари.

— А ты причинишь мне... вред? — тянусь к его губам и облизываю свои. После первых поцелуев, тонкая и чувствительная кожа неприятно стянута.

— Сейчас?... Нет. Точно не вред.

— Тогда я не боюсь тебя, Монстр.

Рука Борзова касается лобка, а пальцы направляются в складку между ног. Влажное прикосновения языка к моему посылает яркий разряд, приятно терзающий все тело. Я бы сказала, что это... чувственно. Непозволительно.

— Опрометчиво, Ржавая. Тебе следует бояться, — его голос хриплый и глубокий. От него мурашки.

Он сдвигает полоску ткани в сторону и касается влажных складок. Профессионально находит пульсирующую точку, просящую ласки, и кружит по ней. Исследует.

Ртом накрывает грудь через шелк сорочки, а зубами прикусывает напряженный сосок. Тонюсенькая ткань намокает, и это прибавляет новых ощущений.

Мне нравится, как впитывается слюна, а потом немного холодит разгоряченную кожу. Хочу продолжения. И чтобы Монстр не останавливался.

Выкрикиваю что-то бессвязное. Раф, нащупав нужный темп, усиливает давление. Теперь каждое круговое движение его пальца взмывает во мне волной удовольствия.

Губы, оторвавшись от лизания груди через ткань, поднимаются к ключице. Горячий язык оставляет влажную дорожку на шее, там, где отчаянно бьется жилка. Все его движения, что сверху, что снизу, синхронны. Уверена, Раф работает вполсилы. Дразнит, заманивает в свои силки, как хищник, чтобы, посадив в клетку, полакомиться мной сполна.

Извращуга... Я, конечно же. Это же мой сон, мои желания и видения.

Как буду смотреть Монстру наутро в глаза, не имею понятия. Следовало взять солнечные очки, чтобы стыдливо спрятать глаза.

Когда тело окутывает облако эндорфина, а дышать становится невозможно из-за жара между ног, я обхватываю Монстра за плечи. Полуоткрытым ртом касаюсь его щеки и выдыхаю его имя. Щетина приятно царапает кожу.

Пьянящий стон срывается с моих губ вслед за настойчивым проникновением пальца глубже. Ощутимые и сковыва-

ющие движения охватывают живот и ноги, я распахиваю глаза.

Боль переплетается с удовольствием. Оргазм рассыпается бисеринками, заползающие в каждую клетку.

— На этом сегодня закончим, Марго, — говорит сухо. — Я и не думал, что ты будешь такой... мокрой. Готовой.

— Даже во сне ты конченный урод, Борзов, — в мой живот упирается твердость. И вряд ли это его это.

Мы целуемся медленно. Глубоко, проникновенно. По комнате раздаются влажные звуки.

Тепло, распределившись по телу равномерно, уносит меня. Раф отрывается от моих губ и какое-то время смотрит только на них: на мой приоткрытый рот и капельку общей слюны в уголке. Она стекает по щеке вниз, на подушку.

Это... пошло. Вульгарно.

— Спи. Ничего этого не было, Рерих. Все сон, — резко поднимается и скрывается в ванной. Слышу звук льющейся воды.

Сон сражает наповал, а когда просыпаюсь, Монстра в номере не обнаруживаю. Не только его брненное, но могучее тело, но и следов его пребывания. В воздухе только летает легкий, едва уловимый запах отельного геля для душа.

Глава 15. Марго

Завтрак не задался с первого же глотка кофе. Борзов сидит напротив, широко раскинув ноги, и разглядывает меня, словно распластавшегося жучка. Его ухмылка не позволяет мне сделать ни малейшего движения. Чувствую себя словно на прицеле.

— Что? — не выдерживаю и спрашиваю с напором.

— Как спалось?

Щеки воспаляются за доли секунды.

Смотрю на Монстра и вдруг вижу его вчерашний поплывший взгляд, когда он глазел на мое полуголое тело. Сейчас по коже будто жар стекает.

Я свожу колени вместе, Борзов не может этого не замечать. Сидит, посмеивается, радуется, что застал врасплох.

— А тебе? — подношу кофе к губам и раздражающе звонко отхлебываю, не прерывая зрительного контакта.

— Снилось что-то? — спрашивает более зло, не отвечая на мой вопрос.

— Возможно, у нас был один сон.

— Это вряд ли, Ржавая, — добавляет тише.

Признаваться, что я на самом деле думала о том, что вчерашний инцидент — плод моего воображения, не буду. Опозорюсь.

А осознала я, что все было реальностью, только утром,

когда увидела следы от щетины на груди, укусы и несколько синяков на бедрах. Именно в тех местах, где Раф целовал меня, кусал и сжимал.

— Если ты поела, идем переодеваться и на стрельбище.

После короткого, но такого острого разговора, аппетит потух. Я смотрю на одинокую булочку, омлет и две шоколадные печеньки с грустью. Проклятый Монстр.

Поднимаюсь и следую за Борзовым, параллельно рассматривая его спину. Раф в одной белой футболке. Ткань обтягивает каждую бугрящуюся мышцу, делая ее каменной на вид.

Взгляд тянется ниже и ниже, к ягодицам. Их неплотно облегают джинсы светло-голубого оттенка. Спорим, его задница такая же твердая и накачанная, как, скажем, плечи, за которые я хваталась вчера? Хотелось, чтобы следы моих ногтей тоже красовались на его коже, в качестве мести. Его щетина жесткая для моей нежной кожи.

— Я могу остановиться, и ты сфотографируешь, — бормочет едва различимо, но я понимаю каждое слово и вспыхиваю спичкой.

Почему он чувствует и знает больше, чем надо?

— Больно ты мне нужен. Монстр!

Ускоряюсь и обгоняю Борзова — лишь бы не видеть его, эту спину, эти ягодицы. А по моей спине уже ползут горячие взгляды Рафа...

Стрельбище, куда мы собираемся, с... прости господи, мужем, в самом отдаленном месте на территории отеля

комплекса. Не самое посещаемое место, и я в корне не понимаю почему. Лучшего занятия и не придумаешь.

Мы доходим по широкой дороге почти не разговаривая. Людей, гуляющих по тротуарам, немного, и притворяться любящей парой на медовом месяце не имеет смысла.

А когда рука Рафа ложится на мою поясницу и слегка поглаживает, тело тут же откликается.

На первой дорожке замечаю Калача. Тот один.

Лицо Борзова — очередная маска. Да, улыбается как-то по-настоящему и искренне, но я знаю, что передо мной не тот Монстр, что клялся меня убить.

— Будь любезной, но не слишком, — говорит, еле шевеля губами. — Мне не нужно, чтобы он обратил на тебя внимание.

Значит, вчерашнее платье было не для демонстрации меня перед Калачом. Я довольно выдыхаю. Раф, несмотря на все его недостатки, не стал бы торговать женщиной или что-то в этом роде. Борзовым в этом плане можно доверять. Что его отец, что братья, никогда не были замечены в чем-то грязном относительно девушек.

— Чтобы ты не ревновал? — вскидываю хитрый взгляд и прикусываю нижнюю губу. Я решила сегодня использовать красную помаду.

— Дура!

— Придурок... — отворачиваюсь. До слез обидно.

— У него притон. Калач выманивает таких наивных дур и

потом продает. Сейчас он привлек внимание одного, скажем, важного человека. Нам нужно чуть больше узнать Калача в обычной обстановке. Без самостоятельности, ты поняла меня? Я работаю не один. Твой отец тоже в деле. Чем меньше ты будешь вилять задом, тем лучше. И, кстати, все твои едкие ответы я подсчитываю. Мое терпение на пределе, Ржавая, — наклоняется к моим губам.

Со стороны кажется, что мы целуемся. Борзов даже касается своим языком моих губ, проводит им, слизывая помаду.

А если мне его укусить?...

— Поняла? — ощутимо щиплет меня за ребра.

Киваю. А когда Борзов ускоряется к Калачу, бросаю ему в спину беззвучное: «Сдалась мне твоя ревность. Это была шутка!»

Калач Константин Львович сосредоточенно рассматривает сначала фигуру Борзова, затем переключается на меня. По телу стекает мерзкая жижа от его взгляда, и руки тянутся смахнуть неприятные ощущения. Узнав, что он за человек, не приятнее вдвойне. Бедные девушки...

— Я был уверен, что вы придете, — радостно произносит и крепко пожимает руку Рафу. — Маргарита, вы сегодня очаровательно выглядите. И я вспомнил, где вас видел.

Напрягаюсь. Бросаю осторожный взгляд на Борзова.

— Два года назад. Конкурс красоты, — открыто смеется, словно это должно было быть лучшее воспоминание моей жизни. — Вы представляли какую-то школу из региона.

Мне было семнадцать. Столько же, сколько сейчас Мари. И если допустить мысль, что Калач был на том конкурсе, чтобы выкрасть ни в чем не повинных девушек, наплести им с три короба, и... продать? Страх опускается в легкие, перекрывая весь кислород.

Ублюдок.

В мыслях я схватила кинжал и воткнула ему между глаз. Да так, чтобы острие прошло насквозь, раскалывая его бесполезную черепушку. Там все равно ничего хорошего нет.

— Конкурс красоты? — Раф поворачивает ко мне голову и подтягивает к себе. Пальцы касаются оголенного участка кожи на талии. Он улыбается, а в глазах столько молний витает, что даже в воздухе запахло грозой.

— Да, — отмахиваюсь. — Было дело.

— Вы победили, если я правильно помню, но пообщаться мне с вами не удалось. Такое бывает, если... — Замолкает и пробегается взглядом по земле, подбирая слова. — У вас очень хороший спонсор.

Папа постарался. В таких конкурсах связи, влияние, деньги имеют большую роль, чем красота. Но мне важен был сам конкурс, а не та грязь, обитающая там. Папа заботливо огородил меня от нее.

— Стреляете? — переводит тему.

— Я немного. А жена нет, — рычит и снова дает незаметный и легкий шлепок.

Гаденыш! Я даже не могу ему ответить за то, что отбро-

сил в меня в ряды смотрящих. А я предусмотрительно свой пистолет поместила в рюкзачок.

Пока Калач с Борзовым о чем-то общаются, занимаю место на лавочке в нескольких метрах. Работники раздают всем наушники, оружие, заполненные магазины. Проводят никому не нужный инструктаж.

Перед первым выстрелом Борзов поворачивается ко мне и подмигивает. Затем расставляет ноги чуть шире, склоняет голову, прищуривается, и...

Бам! Бам! Бам! Пауза.

И еще бам! Бам! Бам!

Сердце подпрыгивает до Луны, пусть выстрелы и заглушали плотные наушники. Завораживающее зрелище. Возбуждающее...

Стоит Борзову взглянуть на меня такую: цепляющую пальцами край лавочки, краснеющую и переводящую дыхание непозволительно часто — он все поймет. Я уже выяснила, Монстр учится меня считывать и с каждым разом быстрее и точнее.

Он внимательно рассматривает меня с ног до головы, пока инструктор не зовет его пройти в кабинку, чтобы рассмотреть попадание в цель на компьютере. Проходить самостоятельно к мишеням запрещено.

— Не знаю, ваш спонсор — это ваш муж или был кто-то еще, но если вдруг потребуется другой, вот моя визитка, — Калач протягивает мне картонный прямоугольник красного

цвета. — Скоро начало другого конкурса красоты. Он будет проходить в Эмиратах, и там будут участвовать девушки из многих стран. Уверен, с моей поддержкой у вас получится победить. Маргарита.

Забираю из его рук визитку, чтобы изучить. На ней, кроме имени и фамилии, название компании и должность. Неплохое прикрытие — фотостудия.

Калач стоит очень близко ко мне. Каждый его любопытный, масляный взгляд как лапает меня.

Прячу визитку в карман ветровки и выдавливаю из себя улыбку. Нельзя показаться невежливой. Без нее на моем лице будет читаться презрение и желание кокнуть Калача. И на свидетелей плевать. Такие люди заслуживают публичной казни.

— Обязательно мне позвони, — переходит на «ты» и еще больше сокращает расстояние. Потом берет мою руку и оставляет на ней свой поцелуй.

Свой мерзкий, вонючий поцелуй, прожигающий кожу.

Резко затошнило и живот скрутило от спазма. Несмотря на то, что я на свободе, могу шевелить руками и ногами, чувствую себя закованной, в ловушке. Так действует на меня близость опасного человека вроде Калача.

В каком-то смысле он хуже, чем Решетняк. Этот экземпляр хитрее, проворнее, он более скользкий и изворотливый. Неуловимый.

— Не помешал? — Раф возвращается и одаривает улыб-

кой, от нее мгновенно внутри все сковывает льдом, а потом резко крошится в ледяную пыль.

Я попала...

Глава 16. Марго

— Не думала, что ты так разозлишься из-за короткого разговора с Калачом, — спешу за быстро идущим Борзовым.

Едва успеваю. Он втопил так, что мышцы на ногах уже намертво одеревенели от усталости. Но в жизни не пожалуюсь, даже если мой следующий шаг — последний.

На тропе никого. Лес становится гуще, места кажутся более дикими. Как-то... не по себе. Это место упомянул Калач? Жуткий тип, жуткие рекомендации...

— Эй, ты меня слышишь?

В кармане куртки жжет дурацкий листок картона, который я зачем-то взяла. Все случилось рефлексивно. Никто на глазах не выкидывает врученную визитку, а убирают куда-то.

И мне бы рассказать об этом Рафу, но тогда он накинется на меня и шею свернет. Потом скажет, что так и было. Вон какой он сейчас взбешенный, точно жгучего перца объелся и его изнутри всего изжаривает.

— Ты могла ему соврать? «Нет, я не принимала участия в конкурсе», например. Я обещал твоему отцу обеспечить тебе безопасность. Но это будет сложно, если ты сама нарываешься на то, чтобы стать новой пленницей притона. Говорят, арабам как раз нравятся рыжие, — оборачивается и выкрикивает это так громко, что стая черных воронов взмывает вверх где-то неподалеку.

— Ржавые, — поправляю и скрещиваю руки. Приходится запрокинуть голову, чтобы смотреть бандиту в глаза. Пока он изливал на меня гневную тираду, я успела подобраться к Монстру.

Он морщится. Как зуб резко заболел. И прикрывает веки. Я, должно быть, и вправду действую ему на нервы... Ну, пока он своими темно-серыми глазами не встрянет взглядом мне между ног.

Похотливый хам!

— Надо было оставлять тебя дома... Толку ноль. Одни проблемы.

Стало обидно. Чувствую себя сейчас бесполезной игрушкой. Куклой, с которой приятно играть по ночам. А когда наступает утро, меня проще закинуть на дальнюю полку, потому что... мешаю.

Что он себе возомнил?!

Смотрю на удаляющуюся спину Борзова. Он идет по тропе, наклоняясь под массивными еловыми ветвями. Шапки высоких деревьев перекрывают голубое небо, и не все солнечные лучи достигают земли. Здесь довольно мрачно.

Дрожащими руками снимаю рюкзак с плеч и расстегиваю молнию с глухим «вжик». Она поддается не сразу. Заедает, и я ругаюсь. Эхо подхватывает слова и разносит их шепотом по округе, рассыпая мурашки по плечам.

Блеск от рукоятки моего пистолета учащает работу сердца в два раза. Волнение крепко-накрепко переплетается с на-

растающим возбуждением. Облизываю пересохшие губы и хватаюсь за оружие. Оно небольшое. Дамское. Как раз для моего рюкзачка.

В голове вместо лесных звуков — пронизывающий насквозь свирепый гул. Тысячи винтовых лопастей заиграли и зашумели, как расстроенный оркестр.

Я — не проблема, Монстр!

Целюсь в спину Борзова, но в ужоу дуло чуть левее — аккуратно между плечом и головой. Свист пролетевшей мимо пули должен заставить его замереть.

Надеюсь, не снесу ему голову. Трупы я никогда еще не прятала...

Снимаю предохранитель. Прицел. Вдох. Рука натянута, напряжена. Дрожь постепенно смывается счетом про себя от «одного» до «пяти». И...

...Выстрел!

Карканье ворон, шипение рядом — будто закачивается порция воздуха, — а затем... густая тишина.

Опускаю руку с пистолетом и ловлю острейший взгляд Борзова. Монстр только что медленно-медленно повернулся. Между нами расстояние метров пятнадцать, но я слышу его напряженное тяжелое дыхание и слышу отчаянно громкие удары сердца. Или это все мое? И дыхание, и удары?

Мои губы дергаются в коварной улыбке.

Что, не ожидал такого шага от ржавой «проблемы»? Я еще и не на такое способна, дорогой муж!

Монстр возвращается ко мне тихой поступью, подобно хищнику. Но я — единственная жертва, кто смотрит на своего врага и убийцу прямо. Не боясь, не убегая, не позволяя возвыситься над собой.

— Сюда давай, — протягивает ладонь.

Его тоном можно заморозить целый континент. Холодный, колючий, стальной!

— Нечего играть с опасными предметами.

— Я умею! — слезы стремительно наворачиваются на глаза. Этот процесс не поддается контролю, и крупные соленые капли разрезают сухую и горячую кожу щек.

«Умею...» — твержу про себя. И стрелять, и ножи метать. Еще разбирать и собирать оружие. Приемы самообороны знаю. Меня же учили.

Но обо всем молчу, когда хочется рассказать все как на духу. Не знаю, откуда взялось это желание, в то время как отец настоятельно просил не хвастаться навыками. Некоторые вещи необходимо хранить в секрете. Но сейчас меня рвет изнутри доказать, что *я могу*. Но по-ребячьи хочу и топать ногами, кричать, чтобы слышали, наконец.

Монстр бережно вытирает дорожки слез большими пальцами. Но вся эта нежность и забота напускная. Читаю по черным, как ночное небо, глазам. В них взрываются звезды от тысячелетнего напряжения.

Поджав губы, кладу свою драгоценность ему в раскрытую ладонь и, сгорбившись, отхожу на шаг.

Раф рассматривает расписную серебристую рукоятку, крутит оружие в руке и только потом убирает его за пояс. Смотрит по сторонам и делает длинный, успокаивающий вдох.

— Достала... — вцепляется в меня взглядом-крючком.

У меня перехватывает дыхание. Раф зажимает ладонью мое горло и толкает спиной к ближайшему дереву. Я не чувствую земли под ногами. Борзов несет меня, удерживая за шею.

Смотрю во все глаза сквозь нарастающее количество золотистых мерцающих точек.

Шершавая кора, несмотря на надетую на мне ветровку и футболку, все равно корябает поясницу. Раны тут же саднят и пощипывают.

Монстр смотрит вожделенно, и... яростно. Убийственно. В прямом смысле. Его свободная рука разгуливает по моему телу. Сжимает, трогает. Раздавливается и размазывает.

— Смотри на меня! — произносит в губы горячим шепотом. — Не смей закрывать глаза. Я же сказал, что накажу за следующую твою выходку?

Мотаю головой, но только сильнее корябаю затылок. Волосы запутываются в трещинках коры.

Пахнет сырой землей и мятной свежестью дешевого геля для душа.

— Только коснись меня снова, и я... — сдавленно ругаюсь. Его крепкая ладонь продолжает удерживать мою шею.

Его пальцы почти полностью обвили ее.

Он смеется мне в лицо, и становится похож на настоящего Монстра без принципов и морали.

На его висках выступила испарина, короткие волосы намокли и слиплись. Светлые ресницы подрагивают, когда Борзов моргает и пробегается по мне взбешенным взглядом.

Его так задело, что я выстрелила? Или что выстрелила в него? А может... что не смогла попасть?

— А я не буду касаться... — и вновь его лицо озаряет больная усмешка, от которой все внутренности съеживаются в комочек.

— Ч-что?...

До слуха доносится звук раскрывающейся молнии на джинсах. Его.

— Открой рот и высунь язык, — шумно выдыхает.

Я, конечно, не собираюсь этого делать. Закричала бы. Но в этом лесу только мы и пара белок.

Борзов надавливает на щеки. Рот приоткрывается. Монстр берет мою раскрытую ладонь и проводит внутренней стороной по губам, собирая выступившую слюну. Попытки вырваться пресекаются хваткой еще сильнее.

— Послушная девочка. Почти. Я научу тебя.

Ахаю и давлюсь порцией воздуха. В мою руку вкладывают что-то твердое, горячее. Большое.

Толчок. Ладонь заскользила по напряженному члену. А на губы обрушилась вся сила Рафа Борзова. Он всасывает в

свой рот мои губы, языком глубоко вылизывает. Я протяжно застонала.

Монстр без капли жалости сминает мои губы, покусывает их, оставляя следы своих зубов, и толкается и толкается. Что языком в мой рот, что своим членом мне в руку.

Все движения Рафа жесткие, резкие, одержимые. Он словно слетел с катушек, и при этом довольно четко себя контролирует. Если он и сжимает мое горло, то перекрывает поток воздуха лишь наполовину. Кислород все равно поступает в легкие, одаривая легкой порцией головокружения.

Борзов берет меня грубо, толкается в руку часто и быстро. Дышит в мой рот, когда поцелуи прекращаются. Его глаза остекленели от желания.

Стало любопытно, а какой он, когда получает желаемое от женщины?...

Облизав его нижнюю губу, вскидываю поплывший взгляд на своего Монстра. Сейчас я не чувствую себя игрушкой, проблемой или ненужной девкой. Исчезло ощущение, что этого убийцу вынудили меня защищать. Я — будто часть него, этого безумного Монстра.

Когда в ладонь брызгает обжигающая жидкость, Раф стонет, прислонившись лбом к моему плечу. Другую руку я кладу на его голову и пальцами зарываюсь в его волосы, притягивая Борзова ближе.

Черт, в этот самый момент он слабый, а я сильная. Незабываемое ощущение превосходства взрывает наполненные

восторгом клетки. Да я от этого чувства вот-вот получу оргазм.

Раф указательным пальцем собирает по моей ладони сперму, и... размазывает ее по моим губам, как помаду. Смотрит, пока проделывает это со мной, и его зрачки расширяются.

Между ног тем временем собралась пульсация, и я почти подыхаю от ее силы и пустоты внутри. Словно забрались на самую высокую точку горы, чтобы тут же скатиться кубарем.

Ненавижу это состояние, когда нужно... просить.

— Оближи, — тщательно размазав, хрипло говорит.

Все тело трясет. Вдох выходит рваным. Я еле стою на ногах, потому что мое возбуждение не закончилось яркой вспышкой.

Но, глядя в чернящие глаза Монстра, что душат одним лишь взглядом, облизываю сначала нижнюю губу, потом верхнюю. Раскатываю солоновато-горький вкус по языку.

— Ну и гадость.

— Привыкнешь.

И без спроса открывает мой брошенный рюкзак, чтобы вытащить оттуда влажные салфетки. Бережно берет мою руку в своем семени и вытирает каждый пальчик.

— Пистолет мой вернешь?

— Если попросишь на коленях, — говорит на полном серьезе. Я зло выдыхаю.

— Он мой! — отталкиваю Борзова, и, взяв другую сал-

фетку, протираю во второй раз уже чистую руку.

Демонстративно морщусь, словно меня тошнит. Хотя, если быть честной... Ничего противного я не испытала.

Волнение — безусловно. Возбуждение — запредельное. И лишь в самом начале мелькнул страх: вдруг он прямо сейчас, под этой елью возьмет и нагнет.

В этом всем я снова почувствовала, как в моих руках не только его член, но и бразды правления обезумевшего Монстра.

— Стрелять научись, а то мажешь, как дилетантка.

Вскидываю подбородок и выкидываю салфетку. Вяло оглядываю сосредоточенного Борзова. Он свел брови и поджал губы. Влажная челка продолжает свисать на лоб. Раф манит меня.

— А я не промазала. Я целилась ровно туда, куда и хотела. В ствол дерева. Траектория моей пули просто пролегала над твоим плечом и слева от головы.

Борзов подходит, и я заключаю свое желание отступить под замок. *Не смей, Марго!* От упрямого и любопытного взгляда Рафа во рту пересыхает. Облизываю губы, и вновь чувствую вкус его семени. И вижу довольную улыбку Борзова. Щеки сразу же алеют, а вожжи, которые, как думала, схватила крепко, рассыпаются в прах и осыпаются под ногами.

— Пошли, — ухмыляется. Выглядит куда лучше. Расслабленным. — Королева, блядь, красоты.

Глава 17. Марго

После злосчастной тропы мы вернулись в отель. Раф вел себя так, будто ничего не случилось. Словно только что не толкался членом в мою ладонь и не кончил, вымазав мне губы своим липким семенем. Он то и дело улыбался во время обеда, чем раздражал еще больше.

Хотя, «раздражал» — не совсем то слово. Скорее, он снова вывернул мои чувства наизнанку. Мне было мерзко от самой себя, но в этой мерзости прорастало что-то иное... Томительно-сладостное, развратное. Наше, общее, секретное удовольствие, принадлежавшее только нам двоим.

Из нас получается неплохой *союз*. Я вон даже раны зашивать научилась. Если бы еще Монстр не забрал мое оружие... Вспомнив об этом, с гневом смотрю Борзову между между лопаток. Оттуда на меня глядит кошмарная татуировка во всю спину — глазницы какого-то Монстра.

— До завтрашнего утра из номера не высываешься, — говорит легко.

Из кармана достает телефон и направляет туда все свое внимание. Такое поведение задает.

— Прикуешь наручниками к батарее?

Взгляд серых глаз впечатывает меня в стену. Из рта вырывается короткий стон.

— Прикую, — с нажимом отвечает. — Хватит с тебя и то-

го, что успела пострелять, напугать несчастных белок и привлечь внимание Калача своим долбаным конкурсом. Выигранным, на секундочку.

Складываю губы в трубочку и медленно выдыхаю. Раз... Два... Три... Чувство самосохранения засыпает, и просыпается упрямство и вредность. Папа говорит, что они родились вперед меня. Из-за них постоянно и попадаю в беду. Будь я покладистее и милее, сидела бы сейчас дома с Мари, не пришлось бы выходить замуж и менять фамилию.

Руки потряхивает от настырного желания сжать лицо Борзова и оставить на щеках красные бороздки от ногтей.

— Ты так не поступишь, — всю свою злость вкладываю во взгляд и направляю его на Рафа.

Он хмыкает и тяжело вздыхает.

— Я хотя бы могу пойти поплавать в бассейне? Там люди, и я не останусь с Калачом один на один. Если он вообще туда заглянет... — добавляю обиженно и шепотом.

— В бассейн? — переспрашивает, подвинувшись ко мне. Выпавшую прядь убирает мне за ухо. От мимолетного прикосновения его пальцев к моей коже пробегают покусывающие разряды. Внизу живота защеколало.

— Пожалуйста, — оттого, что приходится упрашивать Монстра, в горле запершило. А глаза заволгло прозрачной пленкой. Даже у отца я так не отпрашивалась, как у новоиспеченного мужа.

— Я был уверен, что ты не знаешь такого слова — «по-

жа-а-алуйста»! — Наклоняется и подразнивающе произносит в губы. Они приоткрываются рефлекторно, и Борзов чувствует мое желание.

Ведь жадные поцелуи мне нравятся. В них манящие сила и мощь.

— Я многое знаю, — поднимаюсь на носочки, но все равно со стороны кажусь себе пташкой по сравнению с огромным Монстром.

В груди жгло от ощущения близости его грудной клетки и жара кожи.

— Но тебе не скажу, — и расплываюсь в победной улыбке. Становится смешно, когда чувствую, как Монстра влечет мое тело. Пусть и не пытается демонстративно игнорировать это.

Уж не знаю, кто все же та блондинка на фотографии в рамочке, но со своими обязанностями она справляется плохо. Ее кобель... вот-вот сорвется с цепи. Мне придется привязать его к себе.

— Не больше часа, Марго. Если опоздаешь хоть на минуту, отшлепаю. Ненавижу непослушных.

Указательный палец упираю в грудь Борзова и отталкиваю с усилием. Он же не думал, что я буду его целовать?

— Договорились, — подмигиваю и бегу к чемодану.

Купальника, конечно же, там нет. Борзов, довольный собой, стоит, прислонившись к двери. В глазах загорается вызов, который ловко и уверенно подхватываю, как брошенный

мячик.

Смотря в глаза Монстру, сначала снимаю с себя футболку, затем джинсы. Цепляю большими пальцами трусы и медленно стягиваю их по ногам. Следом щелкаю застёжкой лифчика и отбрасываю последнюю деталь гардероба, оставаясь абсолютно голой.

Борзов плывет взглядом по моему телу, точно волна. Пульс грохочет в ушах, мешая соображать.

Руки так и тянутся прикрыть наготу, но я заставляю себя позволить рассмотреть меня. Его голод осязаем, и в эту минуту не представляю, чем может закончиться сегодняшняя ночь.

Провокация? Нет, лишь маленькая месть за то, что забрал мое оружие. Пусть смотрит, ведь трогать не позволю.

Потом я беру отельный халат и быстро надеваю его на голое тело, крепко завязав пояс под грудью.

Ворсинки согревают и скрывают дрожь в руках и ногах. Я впервые устраивала такой перформанс перед взрослым мужчиной — специально, осознанно, и эта непривычная смелость до сих пор отдает холодком под ложечкой. Каждый сантиметр моего тела сейчас залит его масляным взглядом.

— У бассейна можно купить купальник. Я видела, — бросаю через плечо.

Взяв крошечную сумочку, куда спрятала только телефон, выхожу из номера, хихикая себе под нос.

Добром мои выходы не кончатся. Терпение Монстра не

вечное, и он точно исполнит все свои угрозы: и нагнуть, и отшлепать. Может, еще чего похуже.

Выбор купальников здесь не велик. Покупаю первый, куда упал взгляд: слитный, темно-синего цвета. В раздевалке быстро надеваю его на себя и захожу в бассейн. Сейчас время обеда, и я насчитала всего двух человек, плавающих вдоль дорожек.

Невесело вздыхаю. Я не любитель плавать, делаю это скверно. Если не чувствую дна под ногами — пиши пропало. От паники сводит ноги, и я начинаю задыхаться. Но лучше утону в бассейне, чем прислушаюсь к Борзову и останусь в номере до утра, как *он просил*.

В воду погружаюсь без спешки. Она здесь прохладная, чуточку неприятная. Долго в ней не прстоишь.

— Не бойтесь, Маргарита. Чудовищ здесь не водится, — скрипучий голос раздается над головой, выпуская мурашки по плечам от мучительной близости Калача ко мне.

Не может же быть такое, что он следит за мной?!

— Чудовище здесь ты... — очень тихо говорю и делаю отчаянный шаг в воду.

Волна поднимается до подбородка. Вздвигиваю от испуга. Ноги тут же ищут плитку. И какое счастье, что ступни встают на твердый пол.

Пока барахтаюсь на мели, как ребенок, чувствую на своих плечах дотошный и ставший знакомым взгляд.

Калач сидит на шезлонге и, нисколько не стесняясь, раз-

глядывает. Он вновь один, той девушки как и не было с ним никогда.

— Черт, — ругаюсь от проснувшегося во мне бессилия.

И зачем я правда созналась в участии в конкурсе?... Если Калач объявит охоту на меня? Но уже не как Решетняк, чтобы отрубить мне голову, а как за куклой, которую можно продать?

Мысли выются в этом направлении, как мошки. Сколько ни отмахивайся, они рядом. И зудят, и зудят.

— Вы боитесь плавать, Маргарита? — звучит на весь бассейн с нескрываемым смешком.

Обнаруживаю, что те двое, что плавали, покинули нас. Остались только я и Калач.

Несмотря на то, что между нами приличное расстояние, я чувствую, как стены и потолок сужаются вокруг меня, закрывая в тесную клетку, где настоящее чудовище смрадно дышит мне в затылок.

— Нет. Я не люблю плавать, — не повернувшись, говорю.

— Вы меня боитесь? Или боитесь воды?

Он поднимается с шезлонга и подходит к бортику. Опускает одну ногу, скрывая пальцы под водой, и возвращает их на место.

— Вода прекрасная, — отвечаю.

Надо выходить и бежать, но снизу будто кто-то удерживает.

— Чувствую себя некомфортно, когда мужа нет рядом.

Он, кстати, вот-вот подойдет.

— Буду рад с ним пообщаться. Вы уж так не бойтесь меня, Маргарита. Я не злой, — от его улыбки в жилах каменеет кровь.

Киваю неуверенно и выхожу из воды. Его взгляды оборачивают меня как в полотенце. Они облепляют со всех сторон словно печати. Мне душно, несмотря на прохладный воздух в помещении. А кожа съеживается от лишнего внимания чужовища.

До душевых почти бегу. Меня пугает не столько сам Калач, сколько его интерес ко мне и перспектива оказаться заложницей его притона.

Девушек крадут незаметно. Они сами попадают в расставленные сети и ловушки. Наивные? Нет... Эти твари просто более расчетливые и предусмотрительные. Даже с моими навыками и способностями продолжаю чувствовать себя пешкой в чужой игре. У меня нет права голоса, какой силой я ни обладай.

Снимаю купальник и встаю под горячие упругие струи воды. Только они способны отодрать налипший слой из вожделенных взглядов Калача.

Прикрываю глаза. Расслабляюсь... Когда хлопает дверь женской раздевалки.

Кладу ладонь на перегородку, пытаюсь дышать. От пара воздух уже не такой прозрачный, и начинает казаться, что там в углу кто-то есть. Я слышу его дыхание, и в грудь гирей

падает страх, не дающий мне и капли кислорода.

— Здесь есть кто?

В ответ тишина. А потом щелк... Как будто кто-то сфотографировал. И снова, и снова.

Плевать на мокрое тело и волосы, я забираю халат, наспех накидываю его на себя и возвращаюсь в раздевалку. До номера бегу, не останавливаясь.

Чтобы я еще раз встретилась с этим Калачом?... Все это может быть плодом моей разбушевавшейся фантазии, но я отчетливо слышала задвижку фотоаппарата.

Стучу кулаками в дверь, зная, что мне придется рассказать о каждой своей минуте Рафу. Я же напугана до чертиков!

С той стороны молчание. Я реву от страха, уязвимости и своей... упертости. И зачем я поперлась в чертов бассейн?

Показала свой характер Монстру, Марго?

Борзов появляется из-за угла коридора. Он идет быстрым шагом и останавливается, заприметив меня. Взгляд чернеет по мере того, как он проходит мимо меня, как ластик.

Раф считывает меня четче сканера.

— Я тебя точно убью, — говорит, хватая за плечи и сжимая.

— Только не здесь. Номер хотя бы открой...

Глава 18. Раф

Войдя в номер, сажусь на единственное кресло и, уставившись на дрожащее тело по имени «заноза в заднице», безмолвно требую рассказать, что же произошло.

Она стоит напротив, обнимая себя руками. Выглядит подавленно. Да на Рерих лица нет! Ее колотит так, что стены трясутся, и дрожь по полу передается мне.

По костям молотком бьет необъяснимая тревога за эту дуру.

— Он был там, — говорит упадническим голосом, вскинув на меня свои огромные глаза с длинными ресницами. Туши на них нет, а загнутые от природы ресницы протыкают своими кончиками небеса.

Вижу ее синюшный от холода цвет кожи, такие же губы, на вид меньше и тверже, чем были, и фиксирую удушающий страх в глазах.

— Калач. В бассейне, потом... в душе.

Вскидываю взгляд, наполненный презрением и гневом. Не знаю, что сейчас думает Рерих и что чувствует, когда смотрит мне в глаза, но я вот-вот разорву ее в клочья.

Предупреждал же!

Он опасен!

Он ненормален!

Он. Тебя. Заметил.

Ну и свою вину чувствую. Мотается прогорклой конфетой по языку, напоминая о моей недосмотренности. Жаль, выплюнуть ее нельзя. Придется давиться, пока проблема не решится. А решиться она может единственным путем...

— Он тебе что-то сделал? — низким голосом спрашиваю.

Пальцы Рерих продолжают вжиматься в узел пояса халата. Тот на несколько размеров больше нее самой, отчего Марго выглядит хрупкой куклой. Переломить ей шею не составит труда, но перед глазами всплывают картинки ее оргазма от моих пальцев. И тут же, словно эхо, в ушах раздается выстрел...

Устраиваюсь в кресло поудобнее и прочищаю горло.

— Напугал... И там, в душевой, — краснеет, отвечая.

Впервые со дня первой встречи, когда один только взгляд ржавой девицы выедал внутренности, у меня в душе что-то ломается, и закрученные предохранителя летят к чертовой матери.

Мне не нравится видеть ее в таком испуге и не слышать угроз в свой адрес. Не нравится наблюдать, как ее лицо покрывается нездоровым, больным румянцем.

— Я слышала, что меня фотографируют. Могу ошибаться, — спешит добавить.

Вскакиваю и подхожу вплотную к навязанной мне жене. Тону в ее глазах. Сейчас они цвета утреннего неба: голубые, с примесью свежей травы и оттенками ночи.

Ее красота страшно неуместна сейчас. Да и вообще...

— Фотографируют? — уточняю, уже зная, что вряд ли Рерих слышалось или что она все выдумала.

Девчонка кивает. Мои ладони сжимаются в кулаки. Стены могу ими проломить.

Я ненавижу, когда трогают мое.

Марго носит мою фамилию. И какой бы долбанутой эта девица ни была, в ее паспорте красуется часть меня. Она — Маргарита Борзова, пусть и брак вынужденный и в нем нет и капли любви.

— Прости. Мне нужно было тебя послушать, — закрывает ладонями лицо, но я не слышу и всхлипа.

Ощущение, что споткнулся, но не ебнулся, ударяет в спину. Ржавая сказала «Прости»? Калач бесспорно ее напугал. Это и вовсе сносит мне крышу, потому что такая Рерих меня... не вставляет.

— Иди в ванную, включи горячую воду и согрейся. Потом в постель и засыпай, — приказываю, отвернувшись. — Переступишь порог номера, пожалеешь, Марго, — добавляю, глядя в окно. — В баре остатки коньяка. Совет: выпей пару глотков.

Мне не нужно сыпать угрозами, чтобы в эту минуту Рерих уяснила все до последнего слова. В какие-то моменты девчонка схватывает на лету. Жаль, этих моментов немного, и в основном Ржавая из вредности наматывает мои стальные нервы на заточенные жернова. Искры летят в разные стороны под ее самодовольное кошачье мурчание.

Ну и мои слюни на кулак она тоже наматывает. Дрянь рыжая. Крошечная татуировка под бедренной косточкой — глупейший, детский рисунок — поднимает член, как будто я впервые увидел женскую киску.

Бросив последний взгляд на Марго, выхожу из номера.

На первом этаже бар. Направляюсь туда и заказываю двойную порцию виски. Состояние такое, чтобы нажраться в хлам. Гребаное чувство ответственности прогибает до хруста в позвоночнике, и я ощущаю себя никчемным слабаком.

То, чем занимается Калач, бесчестно. И если раньше мне было противно братья за его дело, то сейчас, после слепящей вспышки ярости, готов пойти дальше.

Узнать номер, в котором остановился Калач, не составило бы труда, но идти к нему в гости — верх тупости.

Мы встречаемся в лобби, и я любезно прошу его составить мне компанию. Запах алкоголя и немного игры расслабляют тварь, и он не видит во мне никакой опасности. К его сожалению...

Мы смеемся, делимся какими-то рабочими моментами — выдуманными, разумеется, — и я тихо подвожу его к лесополосе. Там, где начинается та самая тропа.

Впервые я жажду крови до такой степени, что желание покуситься разрубает и взрывает вены одним вздохом. Я готов кричать от боли, и... счастья. Глаза заволакивает болезненной радостью красного цвета — мстить в свое удовольствие особый вид наслаждения, что я вкушаю впервые.

Кла-а-ас-с!

Момент, когда Калач все понял, я буду вспоминать долго. Мужик скривился и стал похож на старую корягу, разбухшую от воды и времени.

Сделав шаг, останавливаюсь в критической близости, давая ему немного времени на осознание своего конца. Он же сам попался на мой крючок. Потерял бдительность. Ай-яй-яй!

— Какую роль ты ей отвел? — спрашиваю.

Безумно хочется курить. Но я не могу оставлять и крошки от себя на том месте, где стоим. Закончу, уедем, — и я выкурю всю пачку за раз, выдыхая никотин ржавой в лицо. Чтобы она знала, каково это — вытаскивать из меня настоящего Монстра.

— Не переживай, самую лучшую. Этот бриллиант выкупили бы в первую минуту торгов. Она же... еще девственница? У меня на таких нюх. И как только ты еще не сорвал этот ароматный цветочек?!

Ведет носом, как собака-ищейка. Его губы превращаются в тонкую леску, а скулы заостряются. Маска дружелюбия и радушия падает. Калач смеется и облизывается.

— Ты ее и пальцем не тронешь, — приближаюсь вплотную и хватаю за грудки.

Собственный пульс убивает.

— Хочешь, я ее у тебя выкуплю? — медленно спрашивает.

Кровь закипает в каждой жиле. Давление в висках создает пульсацию, и я начинаю видеть прерывисто. В глазах вибрация, точно мы стоим на земле, а под нами все гремит и дрожит.

— *Она моя жена.*

Разворачиваю Калача к себе спиной. Рост позволяет, как и сила, и умение. От неожиданности мужик захлебывается возмущением, но ни слова не вылетает из его поганого рта. Уродтупо не успевает выкрикнуть.

Одну руку кладу на голову, вторую на подбородок. Рывок — и безжизненное тело Калача падает к моим ногам.

— Надеюсь, ты не успел отправить ее фотографии...

Из его кармана достаю мобильный, прикладываю палец для разблокировки и захожу в галерею. На четырех последних вижу голую Марго. Ее тело утопает в белесом паре, но черты прослеживаются. Упругая, аппетитная попа, сверхтонкая талия, округлая грудь с небольшими заострившимися сосками.

За ширинкой становится тесно и очень жарко. Голод нескольких недель просыпается с новой волной, и ему плевать, что еще днем яйца приятно опустошили под маленькой ладошкой Ржавой.

Смотрю на фотографии, как маньяк. Как один из тех, кто отдал бы миллионы за то, чтобы толкнуться в юное тело. Развести длинные ножки и совершить болезненный толчок. Я хочу чувствовать ее боль, видеть страдания, когда буду бить-

ся внутри нее зверем.

А потом убить... За те ощущения, что я не хочу испытывать. И хочу одновременно.

Отправляю фотографии себе на телефон, и уже после удаляю исходники. В последнюю очередь ломаю телефон.

— Все дело, блядь, загубил. Похотливый урод. Что я теперь скажу заказчику?...

Глава 19. Марго

Просыпаюсь от шума в номере. Сердце подскакивает к горлу от сильного толчка в грудную клетку, и я распахиваю глаза.

В номере Раф. Четко его вижу, несмотря на мерцающие мушки перед глазами. Точнее, вижу голую спину с черным черепом и пустыми устрашающими глазницами.

Борзов снимает футболку через голову и меняет ее на другую. Утрамбовывает вещи в чемодан, туда же какую-то мелочь вроде зарядки, дезодоранта и ежедневника.

— Просыпайся. Мы уезжаем, — говорит грубым голосом, от которого хочется поежиться.

Он на взводе. С таким бандитом лучше лишний раз не общаться и уж точно не спорить. Надо молча сделать все, о чем он просит. Но за прошедшую ночь я успела успокоиться после произошедшего и даже набраться сил и смелости.

Сон, как ни странно, был глубоким и спокойным. Я выполнила все требования Монстра, не уклоняясь ни от одного пункта, в том числе сделала пару глотков коньяка.

— Мне даже кофе не выпить? — скрещиваю руки и взглядом упрямо вбиваюсь в спину недовольного Монстра. Пусть чувствует мое негодование.

Температура воздуха в помещении поднялась на несколько градусов. Несколько капель пота собрались на пояснице

и скатились вниз. Присутствие рассерженного Борзова ощущается мной каждой клеткой.

— И потом, мне нужно собрать вещи. Аккуратно, — кошусь на смятую одежду в раскрытом чемодане Рафа.

За два шага Борзов оказывается у кровати и нависает надо мной мощной высокой волной. Надрывно дышит, накрывая горячим дыханием с примесью мятной зубной пасты, и... кофе. Себе он в этом удовольствии не отказал.

Смотрит с яростью, где нет и отголоска какой-то симпатии, желания, вожеления и прочего... Это вдруг выбешивает и выворачивает меня наизнанку.

— Пять минут, Марго.

— Пятнадцать. Хочу принять душ.

— Семь. Иначе поедешь на рейсовом автобусе, — отходит и садится в полюбившееся кресло, уткнувшись в свой телефон.

Несколько минут наблюдаю за ним. Может, дополнит чем-то свой короткий спич, или съязвит на мой выпад. Но Раф остается равнодушным ко мне и моему дефилированию в короткой сорочке от кровати до ванной комнаты.

С ним что-то случилось, пока я спала, и теперь меня гложет любопытство.

Если он встречался с той белобрысой, непонятно как оказавшейся здесь за десятки километров от дома...

Быстро ополаскиваюсь, умываюсь и наношу легкий макияж. Одежда осталась в номере, поэтому снова приходится

нацепить халат и переодеваться на глазах у Борзова. Труссы, лифчик, джинсы, рубашка... Наскоро расчесываюсь, оставляя волнистые волосы распущенными.

Борзов не отвлекся от телефона ни разу. А если подкрасться и вырвать дурацкий кусок металла и пластика из его рук?! Ох, тогда, боюсь, он вырвет руки мне.

— Вообще-то выезд после двенадцати. А сейчас восемь. Мы что, и на завтрак не спустимся?

— Нет, — обрывает взглядом и словом.

Бездушная машина.

— Таких, как ты, принято называть абьюзерами, — говорю ему в лицо, вскинув подбородок. Вот только стою я перед ним в кедах, и на фоне его громадных плеч чувствую себя совсем крошечной.

— Сейчас мне очень хочется вырвать тебе язык, — наклонившись, говорит и выхватывает у меня ручку чемодана.

Хорошо, что не стала вырывать его телефон. А то без языка и рук, я бы не смогла жить.

Раф резко распахивает дверь и выкатывает наши вещи, быстро идет до лифта. Я еле успеваю зайти в кабину. Борзов и не придержал бы дверь.

На ресепшене собралось много людей в форме. Вздвоненная девушка что-то отвечает им, смотря на них во все глаза.

— Раф! — тихо зову.

— Помолчи... — обрывает.

Семеню за проклятым мужем, едва поспеваю.

На парковке несколько машин с мигалками, скорая. Царит пугающая до озноба суматоха.

Ввиду деятельности нашей семьи, я не пылаю светлыми чувствами к правоохранительным органам. Хотя ребята крепкие, симпатичные.

Чуть замедляюсь, когда проходим недалеко от групп, а услышав знакомую фамилию Калача, едва не спотыкаюсь и не падаю. Позорище!

Борзов снимает сигнализацию со своей машины, куда я запрыгиваю. И пояснять не нужно. Монстр, уложив наши вещи в багажник, стартует с пробуксовкой и стремительно выезжает с территории комплекса.

Мы проезжаем несколько километров на стремительной скорости, что я дышать не могла. В груди ноет беспокойство, а серьезный, сосредоточенный вид Борзова только подливает масла в огонь.

Через тридцать минут Раф заезжает на заправку. Стрелка на приборной панели показывает, что у нас как минимум еще половина бака, и мы сможем доехать до дома без дозаправки.

Борзов возвращается с пластиковым стаканчиком кофе и шоколадным батончиком. Протягивает, едва касаясь меня пальцами, и я не могу в эту минуту повредничать и предъявить претензию, что хотела бы круассан.

Выходит, не совсем он абыюзер, этот Монстр...

— Что случилось? — отпиваю горький, невкусный кофе,

обжигая язык.

Раф не спешит делиться новостями. В салоне повисает гнетущая тишина. Мне от нее становится холодно, никакой кипяток не согреет.

— Кто-то ночью убил Калача, — отбивает пальцами ритм по рулю и бросает в меня быстрый ничего не значащий взгляд.

— Я спала! — выкрикиваю. — Да я сделала все, как ты и сказал: помылась, выпила коньяк и легла под одеяло. Проснулась только от шума. От тебя, то есть, — отворачиваюсь к окну, и на слезу пробивает. Обидно до дрожи.

— Я знаю. Не кричи. Голова раскалывается... — пальцами другой руки массирует виски.

— Кто же тогда?...

Обдумывая варианты, закусываю нижнюю губу. Я знаю человека, кто мог такое совершить. Он жестокий, безжалостный наемник, и у него было несколько причин сотворить такое с Калачом. Но... *не было такого задания*. Мне, по крайней мере, о таком неизвестно.

Веду взглядом от своих острых колен к широко расставленным коленям Монстра. Хочется прикоснуться рукой к его мощным бедрам и сжать стальные мышцы. Эта первобытная сила, хищные повадки притягивают к себе и заставляют желать этим всем обладать. Владеть, как... эгоистичная собственница.

— Это сделал ты? — опасно спрашиваю, чуть придви-

нувшись к Борзову.

Проклятый Монстр молчит и утыкается взглядом в окно.

— И как ты это сделал?

— Вряд ли тебе стоит обо всем знать, Рерих. Я все еще тебе не доверяю, — ведет бровями и сразу же морщится.

Хм, выходит, Монстр человек, и у него может болеть голова.

Прищурившись, изучаю профиль Борзова. Выдвинутая от напряжения челюсть, нос с прямыми, суровыми линиями, без намека на аккуратность, непривычно пухлые губы. Помню, что они мягкие, когда поцелуи полны грубости. Его темно-серые глаза цвета свинца, из которого делают пули.

— Ты убил его, потому что он... меня обидел? — не улыбаюсь, скажусь, как хищница.

Я очутилась на седьмом небе от счастья.

Еще ни один мужчина не делал для меня такого: не унижал моего обидчика одной пулей. Ну, или одним профессиональным движением. Вряд ли Монстр — новый Декстер. Раф не мучил Калача в каком-нибудь трейлере, пока тот не подохнет от потери крови.

Уверена, Борзов убил его быстро.

Из-за меня...

Снова и снова повторяю про себя как мантру.

— Пристегнись. Поехали, — кинув в меня раздраженный взгляд, поворачивает ключ зажигания и выезжает на шоссе.

— Ты убил его, потому что он меня напугал... Калач угро-

жал мне... — строю версию, где одна лучше другой. — Он хотел меня выкрасть...

— Помолчишь уже?

А я не могу остановиться.

Улыбаюсь, радуюсь, как та, которая поняла, что все же имеет власть над этим Монстром. В любом случае, я на верном пути. Эта мысль зажигает во мне негасимый огонь, и я полна уверенности, что сумею Монстра сделать ручным. Своим.

— И не надейся, мой милый Раф, — и шлю ему воздушный поцелуй. Только после этого я расслабленно откидываю голову и прикрываю глаза.

— Больная, — цедит недовольно, усмехаясь.

— И ради больной ты замочил одного нехорошего человека. Он страдал, скажи? — приоткрываю глаз и чуть ли не облизываюсь. Борзов за рулем своей тачки выглядит соблазнительно-опасно. — Хотя мне плевать. Надеюсь, он будет гореть в аду.

— Постарайся больше не вмешиваться в дела и не лезть в них. Уже не прошу, не требую, а умоляю. Ржавая. Кофе дай.

Снова плюю на приказной тон и протягиваю ему свой остывший отвратный кофе. Из сумочки достаю обезбол, который он слизывает горячим языком с моей ладони, и вновь запивает кофе.

— Ты привыкнешь. Ко мне.

Глава 20. Марго

После нашего *свадебного путешествия* Раф пропал из моих радаров. Он появлялся дома только поздно вечером, и наутро я видела в раковине лишь чашку из-под кофе.

Это выводило нереально. Мне казалось, что после случившегося мы, как минимум, будем общаться. Первые ростки глубокой привязанности к Монстру проросли во мне в тот миг, когда зарылась носом в его вещи, пахнувшие мужским парфюмом. Сердце накрыло тоской, и... злостью. *Почему ОН?*

Дважды пробовала ему позвонить, но Борзов сбрасывал. А потом я получала короткий вопрос в сообщении:

«Срочно?»

Через минуту я все же швырнула телефон в стену. Я вспылила!

Даже в коротком сообщении из одного слова чувствовалось его раздражение. Я оказалась не к месту!

Мой план по приручению Монстра давал трещину, и каждый раз я буквально заставляла себя вспомнить: ради моей Раф безопасности кокнул плохого парня, не смеющего меня и пальцем трогать.

Монстр ко мне равнодушен...

Успокоившись и увидев трещины на своем телефоне, решаю доехать до салона и починить стекло. Ну психанула, с

кем не бывает? А потом можно заехать в офис к Рафу. Не помню, чтобы он это запрещал.

Боже, будто мне что-то можно запретить?... Выскажу ему все, что еще тлеет внутри.

Достаю из гардероба новый брючный костюм — шоколадного цвета брюки с высокой посадкой и укороченный пиджак — под него майку с рюшами бельевого типа, а на ноги черные лодочки. Подкрашиваю черной тушью ресницы и наношу на губы темно-вишневую помаду.

Чем ярче светит солнце, тем больше веснушек появляется на лице. Их уже ни один тональник не скрывает. Блин.

Перед выходом наношу любимый аромат.

«Видела?» — получаю сообщение от Мари. Из-за трещин на экране все текстовое поле в черных пятнах.

Не с первого раза, но у меня получается кликнуть на ссылку следующего сообщения.

«В прошлые выходные на территории крупного отельного комплекса в лесу был обнаружен мертвым известный московский фотограф Константин Калач. По данным следствия, причиной смерти стали переломы шейных позвонков. Правоохранительные органы возбудили уголовное дело, ведется расследование, подробности уточняются».

— Вот зараза! — сажусь на пуфик и взволнованно покусываю нижнюю губу, съедая помаду.

Я не смогла утаить от Мари произошедшее. Она моя сестра, и у меня нет от нее секретов. Ну, почти. Пока я так и не

нашла в себе силы поделиться планами на моего Монстра. Отговаривать же начнет, а я ничего не хочу слышать против.

«Есть еще что-то? Кого подозревают?» — пишу с ошибками, потому что часть букв на клавиатуре не видна.

«*Рафа твоего*», — летит ответ.

Пuls учащается. Следующий вдох дается с трудом — будто что-то сдавливает грудь.

«*Да шучу. Дурная. Испугалась? Пока тишина. Буду следить*».

«*Сама дурная!*» — бью пальцами по экрану. Трещины продолжают хрустеть и увеличиваться в размерах.

Поправив помаду и нанеся легкие румяна, выхожу из дома. Сердце после шутки полоумной сестры продолжает истерично биться. Я вдруг понимаю, что боюсь потерять Монстра.

Его взгляды, его касания, его грубость и то, как он, не задумываясь, решил проблему, стоило мне произнести имя моего обидчика... Все это возбуждает до потери рассудка. Я впервые с этим сталкиваюсь и в край удивлена, что все ощущения направлены в сторону одного человека. К тому, кого клялась уничтожить.

Сев в такси, сначала называю адрес салона, потом — офиса мужа. Еще в первый день я погуглила информацию о Монстре: официально он занимается охраной мероприятий и сопровождением VIP-персон. В его штате немало таких людей, что при одном взгляде на них по спине пробегает дрожь.

Последнее дело Борзова — охрана президента какой-то там африканской страны на какой-то там саммит. Круто, но скучно. А позже, вечером того дня, дорогой Монстр заявился с рассеченным плечом и литрами крови на полу...

Считаю это переломным моментом в наших вынужденных отношениях.

— Вы быстро! — говорит водитель такси, убирая свой второй телефон в нагрудный карман.

— Пришлось отдать в ремонт, — обиженно отвечаю.

Придется пару дней просидеть без телефона. А все почему? Из-за своего характера!

— По второму адресу? — излишне дружелюбно спрашивает, повернувшись ко мне полубоком. Еще и подмигивает. Не тик же у парня? Он молодой, здоровый, в меру симпатичный.

— Да. Там работает мой муж, — произнесла я, акцентируя его внимание.

— В центре города, — присвистывает. — И кто ваш муж?

По крайней мере, никакого флирта я не чувствую, а у девушек на это чуйка, выдаваемая каждой еще при рождении.

— Тот, кто свернет шею любому, кто меня обидит, — улыбаюсь. Водитель видит мою улыбку в зеркале и как-то понимающе хмыкает. — Шутка, — спешу договорить.

Ну мало ли.

Мы останавливаемся у входа в большой бизнес-центр. В коленях поселяется дрожь. Я не нахожу в себе уверенности,

чтобы «с ноги» зайти к Борзову. Ну что я ему скажу? «Ты отбиваешься от моих рук»? Зная, какой у него характер, он выставит меня вон.

Раф только кажется тихим и себе на уме, а на самом деле Борзов — взрывоопасная субстанция. Разнесет все вокруг, стоит лишь капле вылиться наружу. Но это вызывает у меня внутри эйфорию.

Все меняется в секунду.

Я вижу Борзова, выходящего из крутящихся дверей. На его лице что-то типа улыбки, а взгляд прикован к телефону.

Монстр не глядя снимает сигнализацию со своей машины, на которой мы ездили в отель. Кладу руку на ручку двери с намерением выйти. Но... Сидя в машине такси, наблюдаю в окно, как в машину к моему мужу садится та белобрысая, с фотографии.

Сердце бросается в ноги, как камень. Меня лихорадит при виде ее, такой... будто бы идеальной.

Ее походка летящая. Девушка в широких штанах белого цвета и такой же блузке. Она точно лебедь из сказки. И, как и Раф, улыбается.

Уже не вижу, что происходит в салоне, но, думаю, они... целуются.

Я не должна испытывать то, что испытываю. Не то ревность, не то злость. А может, и все вместе. Это... Как дать другому человеку попользоваться своим оружием.

Рафа хочется наказать.

Отворачиваюсь от машины мужа и прикрываю веки. Между мной и Борзовым нет любви, обещаний в верности и прочей хрени. Но после того, что было, я думала, он перестанет видаться с этой блондинкой хотя бы на глазах у всего города.

— Едем домой, — прошу водителя, сцепив зубы. Глаза становятся влажными, но я глушу ненавистное желание пустить слезу. Это сделает меня жалкой, а я не такая.

Мужчина стартует с места и встраивается в поток машин. От главного проспекта мы движемся к параллельной улице и проезжаем по прямой еще минут десять. Маршрут мне знаком, но он очень странный.

— Где-то перекрыто? — настороженно спрашиваю.

К дому Рафа мы должны были свернуть раньше. Получается, едем в объезд.

Водитель вдруг замолчал, словно до этого мы не общались вовсе. Я тихо открываю сумочку и нащупываю рукоятку дамского пистолета. Хорошо, что Монстр сообразовал вернуть мне мою прелесть, без которой не мыслю ни одного выхода из дома.

Рукоятка приятно согревает ладонь, хотя по ногам уже ползет крадущийся холод. И у меня и моей семьи достаточно врагов, чтобы позволить себе беспечность.

Спустя пять минут такси останавливается напротив обычного цветочного магазина.

— Вас там ожидают, Маргарита Абрамовна.

Проматываю в памяти, говорила ли я свое имя этому

незнакомцу. Точно нет.

Во рту пересыхает.

— Кто?

— Вы только не поднимайте шума. Это всего лишь разговор, — и улыбается.

Я могу поднять пистолет, нацелиться и выстрелить. Это даст мне время сбежать, но, правда, поднимется шум. Да и двери, скорее всего, заблокированы.

Мари права, я дурная. Почему я отдала телефон в ремонт до того, как решила навестить своего Монстра?

Щелкает замок, и я не спеша выхожу из машины. По лестнице за мной тут же спускаются двое амбалов и провожают внутрь салона.

Здесь прохладно и приятно пахнет свежими цветами. Только у самого входа два больших похоронных венка. На одном лента с именем Калача, на другом — незнакомая женская фамилия. А вот имя я где-то уже слышала: *Алиссия*.

— Кто-то знакомый? — из-за холодильника с букетами выходит Решетняк.

Он хромает и опирается на трость. По слухам, внутри он прячет с одной стороны острый нож, с другой — ампулу с ядом.

— Есть один. Он так похож на Кощея, и ему на вид тысяча лет. Все в ожидании, когда же он, наконец, сдохнет, — выпаливаю на автомате, когда в животе становится все тяжелее и тяжелее от нарастающего напряжения. Венки еще эти...

— Мне всегда нравилось твое чувство юмора, дорогая Марго. Присядем? — отходит в сторону, и за его спиной разглядываю круглый столик с двумя чашечками кофе.

Глава 21. Марго

Подойдя к столу ближе, чувствую навязчивый запах кофе и ванили. Решетняк всегда пьет именно такой: горько-сладкий и очень-очень горячий. И этот черт знает, что, например, я люблю капучино.

— Я тебя не трону, Марго, — с брезгливостью говорит и садится на белый симпатичный стул из ротанга.

— Странно это слышать от врага, — сажусь напротив, но к кофе не притрагиваюсь, пусть Решетняк и берет свою чашку, отпивает довольно большой глоток, не поморщившись.

— Убить тебя здесь и сейчас было бы неправильно.

От его слов будто проткнули позвоночник насквозь. Сижу, не двигаясь. Шумно сглатываю и делаю такой же шумный вдох. Слова *«убить тебя»* резанули слух и зацепили нервы. Я вдруг представила, что это мои последние минуты жизни, несмотря на заверения Решетняка не трогать.

— Я позвал тебя поговорить. Заметь, это очень мило с моей стороны, — по-старчески посмеивается.

— Поговорить?

— Именно, — делает еще один глоток и отставляет чашку.

Его глаза стали почти прозрачными, как лед. Но это не говорит о чистоте его души и прочем. Здесь все наоборот. В этом льду отражается жестокость и бесчеловечность.

— То, что ты сделала с моим сыном, ужасно, дорогая.

Но... Мы с ним никогда не были близки. Он был непослушным, избалованным и совсем отбился от рук. И от семьи. Ты, можно сказать, оказала услугу. Сам на такое зверство я бы не решился. Отцовские чувства и все такое.

— Это все, что ты хотел мне сказать? Типа «спасибо»?

— Нет.

Делает паузу и с помощью своей трости встает со стула. Я заставляю себя смотреть, а не зажмуриваться от страха. Так и вижу, как он одной кнопкой на своей трости достает острый нож и вонзает его мне между бровей.

— Я не могу проигнорировать то, что ты убила моего сына, Маргарита Рерих. По закону, ваша семья тоже должна пролить кровь в ответ.

— Нет такого закона, — шиплю.

Внутри терзают страх и злость.

— Есть, родная. Есть.

Решетняк не спеша открывает холодильник с цветами и, будто забыв про меня, собирает букет. Среди всего разнообразия различаю ирисы и сиреневую гортензию. Получается довольно необычно, но красиво.

— Ты теперь Борзова, что усложняет баланс системы, — продолжает минут через пять. — Я не могу тронуть и пролить твою кровь, потому что ты принадлежишь другой семье. Как и мстить другим Рерихам, например, твоей сестре, тоже глупо и низко. Не Мари лишила жизни моего сына. Да и я не в том возрасте, чтобы бессмысленно вырубать своих

конкурентов. В нашем мире должна быть четкость и структура.

Голова дымится от информации, свалившейся на меня. Во всей его речи я пытаюсь уловить суть, но пока понимаю только, что Решетняк задумал что-то другое. Не просто пуścić мне пулю в лоб, а что-то более извращенное. Никогда не поверю, что старый хрыч из-за возраста решил забить на мой *«маленький подарок»*. Его сын был редкостным подонком.

— И я придумал, — улыбается, несколько раз от радости стуча тростью о кафедру. Раздается противный звук.

От такой мертвой улыбки жизнь вокруг останавливается. Он — сама смерть.

— Ты придешь ко мне сама. За помощью. И уже в ответ на услугу, я возьму с тебя обещание сыграть со мной в одну очень интересную игру. Твою любимую, Марго, где есть пистолет. *Ты сама сделаешь то, что не сделаю я*, — говорит загадками, но осадок от его слов вызывает во рту горечь, а в желудке пугающую пустоту.

— Я? Приду к тебе? За помощью? Ты свихнулся?

Вместо ответа он снова смеется и бросает на меня взгляд, от которого все поджилки застывают и покрываются корочкой льда. Все тело хрустит, когда я двигаюсь, а лед ломается.

Мне холодно. Где-то закололо ощущение, что Решетняк знает больше, чем говорит. Он... может быть прав, и от этого меня накрывает тревожным одеялом.

— Придешь. И очень-очень скоро. Помнишь, когда ты была маленькой, я всегда спрашивал, с какой начинкой ты хотела бы конфету?

— Я называла, и ты мне давал конфету именно с этим вкусом, — произношу тихо. Даже беззвучно.

— Потому что я знал твои желания. И знаю тебя вот уже девятнадцать лет, Марго Рерих...

Присутствие Решетняка-старшего в моей жизни было мимолетным, но постоянным. Он всегда кружил стервятником где-то поблизости, пока папа, конечно, не узнал об этом. После меня ждал строгий разговор и море откровений — кто же такой этот Решетняк. С того дня высокий, худощавый мужчина больше близко ко мне не подходил. Но я получала от него подарки на праздники: набор шоколадных конфет и непременно цветы.

— Вот, это тебе, — протягивает букет.

— Зачем?

— Когда вернешься домой, узнаешь.

Холодными руками я забираю букет и на негнущихся ногах покидаю цветочный салон. Сажусь в то же такси, что и доставило меня сюда. Молчу. Прокручиваю в голове произошедшее за последние полчаса и не сразу понимаю, что водитель привез меня к подъезду дома.

— Как вы узнали, что я вызову такси? — уже собиралась выйти, как назрел вопрос.

— Хорошего дня, Маргарита Абрамовна, — вместо отве-

та получаю довольно дружелюбное пожелание.

За мной следят. Возможно, в телефоне что-то вроде жучка. Или сосед Борзова — человек Решетняка... Вариантов масса. Меня уже губит легкая паранойя.

Зайдя домой, ставлю цветы в вазу, где до этого были искусственные. И тут же хлопает входная дверь. За спиной слышу тихие шаги. До носа долетает знакомый мужской аромат, перед глазами назойливая картинка улыбающегося Монстра, в ожидании своей блондинистой.

— Не ждала тебя в такое время, — говорю, поправляя ирисы. Пальцы при этом плохо чувствуют нежные лепестки. От страха и обиды на душе бушует буря.

— Ты сегодня ездила по городу? — сухо спрашивает. Раф обходит стол и встает по правую руку от меня. Боковым зрением могу видеть его профиль Монстра.

— Да. Решила выбратьсья.

— И где была?

Он откуда-то уже все знает. Нет, не про встречу с Решетняком, о которой я без сомнений буду молчать. Теперь я понимаю, почему она была в цветочном магазине.

Поправляю в вазе букет свежих ирисов и гортензии.

Придется только объяснить свое появление рядом с офисом Борзова. И лучше идеи, чем бахнуть на него правду, не нахожу.

— Хотела к тебе заехать. А увидела тебя и *ту*! Зародилась мысль выйти из машины и прострелить ей колени, чтобы она

не смогла прийти до тебя самостоятельно, но решила съездить купить себе цветы. Правда, ирисы великолепны? — Широко улыбаюсь, и мои скулы сводит. От пламенной речи сбивается дыхание. Я перестаю дышать.

— Ты... больная? — Наклоняется. Аромат цветов не перебивает запах сигарет.

Отворачиваюсь. Я не хочу, чтобы Монстр видел зачатки моих слез. *Я такая же больная, как и он, вообще-то!*

— Ладно, не колени. Ее ноги шикарные, признаю. Зачем портить красоту? — Вскидываю раскрытые ладони и уже хочу отойти от Борзова. Его гнев как удавка на моей шее.

— Ее зовут Алиссия.

Ток прошибает от макушки до пят. Это имя я видела на одном из похоронных венков. Щеки вспыхивают, а сердце отбивает нервный ритм, тарабаня слово: «опасность». Решетняк не просто следит за мной и знает меня, он осведомлен обо всем, что происходит в наших жизнях. Он... как червяк, заползает всюду, куда можно и нельзя.

— Ужасное имя, — выплевываю яд и чувствую себя ужасно. Мне плевать на имя, я в ярости оттого, что он говорит о ней при мне.

— Ревнуешь.

— Пф-ф-ф. Не дождешься! Своими встречами ты только очерняешь мое имя. И свое. Разве позволено женатому человеку при свете дня встречаться с... Алиссией.

— Цветы купила ты? — вдруг переключается. Мне оста-

ется хлопать глазами, как дура какая-то.

— Спроси у того, кто за мной следит.

— А за тобой никто не следит, Ржавая. Но я знаю о каждом твоём шаге.

Отхожу. Борзов преследует. Его глаза погружают меня во тьму, и тело начинает потряхивать. Примерное происходило в лесу, когда я выстрелила в него, а он наказал.

— Ты с ней спишь? — тихо спрашиваю. Его ладони подхватили меня под ягодицы. Он прижал меня к стене и сейчас его чёрный, порочный взгляд изучает каждую пору на моём лице.

Внутри просыпается вулкан. Обжигающая лава устремилась по венам, поднимая температуру тела.

— Нет.

Выдыхаю судорожно.

— К сожалению, — добавляет.

Скалюсь, когда Борзов довольно улыбается холодной улыбкой.

— Алиссия слишком правильная, чтобы спать с женатым. Наши отношения закончились в тот день, когда я надел долбаное кольцо тебе на палец. И снова к сожалению.

— Какой честный Монстр, — ухмыляюсь с ехидством. — А теперь опусти меня и уходи.

Обида за недельное отсутствие все чувства к Борзову пропускает через терку. Мне больно внутри, когда он так легко может говорить о своей девушке да и заявляться посреди

дня, стоило мне переступить порог квартиры с букетом.

Раф плавно ослабляет хватку на моих ягодицах. Там точно появятся синяки.

Нога одна за другой касаются пола, и Борзов отступает. Очертив мощную фигуру взглядом, замечаю прилично вздыбленную ширинку и высоко поднимающуюся грудную клетку. Глаза Монстра по-прежнему цвета угля, ни полосочки синевы.

— Не вздумай приближаться!

Крошечными шажками отступаю. Спину сводит от напряжения, вдоль позвоночника стекают первые капли пота.

Протискиваюсь к оставленным вещам, чтобы нащупать сумку и взять оттуда пистолет. Монстр посмеивается, и его смех не несет ничего хорошего. Для меня.

— Не это ищешь? На этот раз я предусмотрел, — и крутит мой дамский пистолет на одном пальце. — Из-за твоей выходки с Калачом, я всю неделю откапываюсь от навалившихся проблем. Раздевайся, Рерих!

Глава 22. Раф

— Какого хрена ты его завалил, Раф? — цедит один из участников, задействованных для этого дела, стряхивая пепел мимо пепельницы.

Отмалчиваюсь до последнего. Официально против меня нет улик, но это только потому, что у нас везде свои люди. Да и вообще я не оставляю следов.

— Ла-а-адно, одним мудаком меньше. Но я не знаю, как мы заказчику все объясним. Тебя пока чихвостят по всем фронтам. Типа Борзов разучился держать себя в руках, — поглядывает исподтишка. Стараюсь не реагировать, но... Задевает.

Я глыба льда, что касается эмоций на работе. И все рухнуло с появлением одной маленькой ржавой девицы.

— Конечно, целью все равно является ликвидация, — делаю слишком глубокую затяжку, чувствуя, как отравляющий дым обжигает легкие до боли.

— Но нам поставили задачу выследить. Он пешка, через которую мы выйдем на короля, — тушит окурок с еще как минимум тремя затяжками и уходит в офис, оставляя меня в курилке одного.

Рассерженный, бросаю свою сигарету и вылетаю следом. Мне самому не нравится, когда планы или договоренности меняются, как это произошло с Рерих. Она должна была

вести себя тихо, бесшумно. Не приносить проблем! Ее отец заверил нас в этом. Не хочется думать, что обманул, а я пошел на прилично выстроенный бизнес Абрама, когда надо было обращать внимание совсем на другое. На рыжую!

Из офиса выхожу на взводе, снимаю сигнализацию с авто и запрыгиваю внутрь. Мотор заводить не спешу, включаю радио на минимальную громкость. Музыка успокаивает, пока мои нервы натягиваются и натягиваются. Если до заказчика дойдет реальная причина, почему я грохнул Калача...

— Извини за беспокойство, — звучит тонкий голосок Алиссии, когда она запрыгивает на пассажирское сиденье следом.

Против воли улыбаюсь.

Девка она видная, покладистая. Непроблемная! Уверен, не настаивай отец на свадьбе с Рерих, женился бы на Алиссии. Если и был бы островок спокойствия, так это с ней.

Но дело сделано, кольцо на палец надето, свидетельство выдано. А со всем этим хламом и заказы от самого Абрама Рериха понеслись. Он считается номером один в нашем деле. В первую очередь я думаю о работе, а дальше уже о личном.

— Держи, — протягиваю ей стопку крупных купюр.

Алиссия долго на нее смотрит. Брать деньги у мужчины, что сильнее тебя, опаснее — нельзя. Это должна знать каждая девка.

— Мы не чужие друг другу, и ты всегда можешь ко мне обратиться.

— Чужие, Раф, — говорит, опустив глаза под ноги. Ее обида на меня чувствуется в каждом слове и интонации.

— И все же, — всучаю ей стопку насильно. — Откроешь... Что ты там хотела?

— Кофейню. Как только раскручусь, отдам все до копейки, — говорит уверенно.

Я, конечно же, ничего с нее не возьму, но киваю и отворачиваюсь к своему окну. Телефон оживает писком. Смотрю в экран — и закатываю глаза. Пульс взрывается в висках, простреливает череп насквозь.

«Объект 1 находится по адресу...»

Ржавая где-то рядом. Какими судьбами?

С подозрением окидываю взглядом соседние машины.

— С арендой я договорился. Тебе осталось только подписать бумаги — и добро пожаловать в кофейню... Какое название?

— «Симфония».

— Пригласишь на кофе? — улыбаюсь.

— Конечно.

Странно, но только с Лис я и улыбался.

Бью кулаком по рулю от ощущения пустоты и потери внутри.

Нет, любви, которую я видел у брата к пучеглазой, к Алисии у меня не было. Как и не было того помешательства на девчонке, как у Кама к Майе. Я испытывал ощущение паузы, когда мог сделать простой вдох без оглядки назад и чуть

расслабиться.

Подвожу Алиссию до ее нового места работы. Кофейня в самом центре города, напротив площади. За углом, конечно, знаменитое кафе «У Малика», но я уверен, что у «Симфонии» все получится. Я приложил для этого все усилия. Это было моим подарком в ответ на печальное расставание. Лис приняла.

На телефоне загорается второе оповещение: *«Объект 1 находится по адресу...»*.

Я хмурюсь. Не понимаю, что Рерих забыла на другом конце города. Но решаю не наводить панику и не выдавать своей слежки за ней. Она девчонка не маленькая, должна понимать, что после ее побега со свадьбы я принял меры.

Даю ей время «побродить» и возвращаюсь домой, уже когда «объект 1 находится по адресу...». Впервые за неделю я переступаю порог в такое время.

Здесь пахнет сладкими женскими духами, на коврике разбросана женская обувь. До сих пор не привыкну.

Видя такую Марго, терпение ломается. Злая, ревнивая, гордая. Огрызается, сыплет сарказмом. Не понимаю, как, стремясь к тишине и комфорту, я оказался запертым в четырех стенах, а под моими руками упругие ягодицы Рерих.

В паху давит возбуждение.

В ее глазах огонь, в котором она бы меня спалила без зазрения совести. Это возбуждает сильнее любого афродизиака. Сердце своими сильными толчками выталкивает столько

крови, что я могу в ней захлебнуться.

Отступаю, рассматривая идеальное тело, рисуя в памяти то злосчастное сердечко у ее тазовой косточки.

— Раздевайся! — приказываю.

Внутри бушует нервная, порочная энергия.

На что я рассчитывал? На хлесткую пощечину. Это в духе ржавой. Две пощечины и отборные ругательства, после которых я бы промыл ей рот с мылом дважды. Без сомнений. Но девица меня удивляет.

Ее пальцы, подрагивая, спускаются к пуговицам пиджака и медленно расстегивают. Наши взгляды связываются на морские узлы все крепче и крепче.

В груди ворочаются свирепые угли, обжигая желанием взять рыжую и насадить поглубже. Я вообще в шоке, что еще не сделал этого.

Марго Рерих — моя жена. Никто мне и слова не скажет о том, что я делаю с ней в спальне. Никакого уговора о фиктивности брака и речи не было!

Пиджак падает ей в ноги. Марго остается в тонком топе, не скрывающем очертания ее груди, закованной в кружевной лифчик. Острые соски торчат манящими вершинками. Облизываю сухие губы от желания вобрать их в рот.

Когда падает топ, а следом брюки, делаю шаг.

— А-а, — выставляет наманикюренную ручку с красными, как кровь, ноготками. — Ты приказывал только раздеваться. Так и так собиралась это сделать, — посмеивается наиг-

ранно-легко. — А дальше... Катись к черту, Борзов.

Успеваю сделать вдох, как Ржавая, виляя первоклассной задницей, уходит. Вода медленно утекает сквозь пальцы, чем образ, мать ее, жены перед моими глазами.

— Дразнишь? — рычу.

Гадина посылает мне громкое хихиканье, съедающее мое терпение до крошки.

Догоняю, хватаю за руку и разворачиваю к себе. Прижав к стене, нападаю на губы Марго, точно я голодный до ее вкуса неандерталец.

Целую глубоко, горячо и страстно.

С той самой фразы в туалете ресторана в первую нашу встречу в голове что-то перемкнуло. Хотя ее вопрос не предполагал какого-то подтекста. Банальное: «А если я не послушаюсь?»

Мои предохранители слетели, резьба сломалась.

Рыжая дрянь смотрела со страхом в глазах, но в них читался и вызов. Одним словом — Марго Рерих.

Ее язык отвечает на каждое мое движение. Сжимаю за талию, почти смыкая ладони, пока ее пальцы зарываются в мои волосы. И я медленно перемещаюсь к бедрам, очерчивая их.

Она знает, какое влияние на меня оказывает. Я в ловушке ее глаз, запаха, стонов. Какое тут спокойствие?!

— Если ты думаешь, что я так просто сдамся, то засунь свое желание подальше.

— Может, поглубже?

— Мечтай, — фыркает и краснеет. — Иди к своей... Как ее там?

Мне нравится ее ревность, поэтому не спешу открывать правду наших с Лис отношений. По крайней мере, не сейчас, когда моя рука добралась до развилки ее ног. В такой момент вспоминать бывшую даже для меня чересчур. Тройнички были по части Кама. Раньше.

Смеюсь, как психически нездоровый, и подталкиваю сопротивляющуюся Марго к кровати в спальне. Толкаю и наваливаюсь сверху. Эта извивается змеей. Кричит, ругается, посылает меня туда, куда я бы точно заглянул. Вновь смеюсь.

Ее сопротивление только больше заводит. Горячая влажная кожа соприкасается с моей. Трется.

Член нетерпеливо подрагивает. Мне какую ночь снится, как я толкаюсь на всю длину и слышу пронзительный крик, перетекающий в стон.

Прокладывая серию поцелуев вдоль кромки ее лифчика, не забыв лизнуть сосок. Медленно поднимаю взгляд с воинственно настроенной Рерих.

К моему горлу прижимается холодное острие охотничьего ножа.

— Сделаешь хоть крошечное движение, я вонжу тебе его до основания, — сказав, покрывается пунцовой краской.

Глава 23. Марго

Мои мои мышцы напрягаются, когда Монстр наваливается на меня всем телом. Чувствую его каждой клеточкой. В прямом смысле. Из одежды на мне крошечные стринги и кружевной лиф. Фактически я голая.

Трение джинсов и рубашки о ра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.